

Эмило Джин

ТОКИО

TOKYO

ДОЛГО И

EVER AFTER

СЧАСТЛИВО

СКАНДАЛ ВЕКА
В ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ:
АМЕРИКАНСКАЯ ВЫСКОЧКА
СТАНОВИТСЯ ПРИНЦЕССОЙ
ЯПОНИИ!

Клуб романтики

Эмико Джин

Токио. Долго и счастливо

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Джин Э.

Токио. Долго и счастливо / Э. Джин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Клуб романтики)

ISBN 978-5-17-137505-8

Изуми живет с мамой, ходит в обычную школу, веселится с лучшими подругами и мечтает узнать, кто же ее отец. И вот однажды обнаруживает, что она — принцесса Японии! Вдохновленная этим фактом и желая наконец повстречаться со своим папой, Изуми летит в Японию. Вскоре Изуми понимает: быть принцессой — это не только носить шикарные платья и жемчуг... это еще и странные родственники; сумасшедшая пресса, которая лезет в личную жизнь; тысячи традиций и обычаев, — и все их нужно изучить практически за одну ночь; а еще хмурый, но красивый телохранитель, который, впрочем и к счастью, понимает ее лучше всех на свете. Изуми оказывается в ловушке между мирами и между двумя версиями самой себя: дома она никогда не была достаточно «американкой», а в Японии ей нужно доказать, что она достаточно «японка». Сдастся ли Изуми под тяжестью короны или же будет жить в своей сказке долго и счастливо?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137505-8

© Джин Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

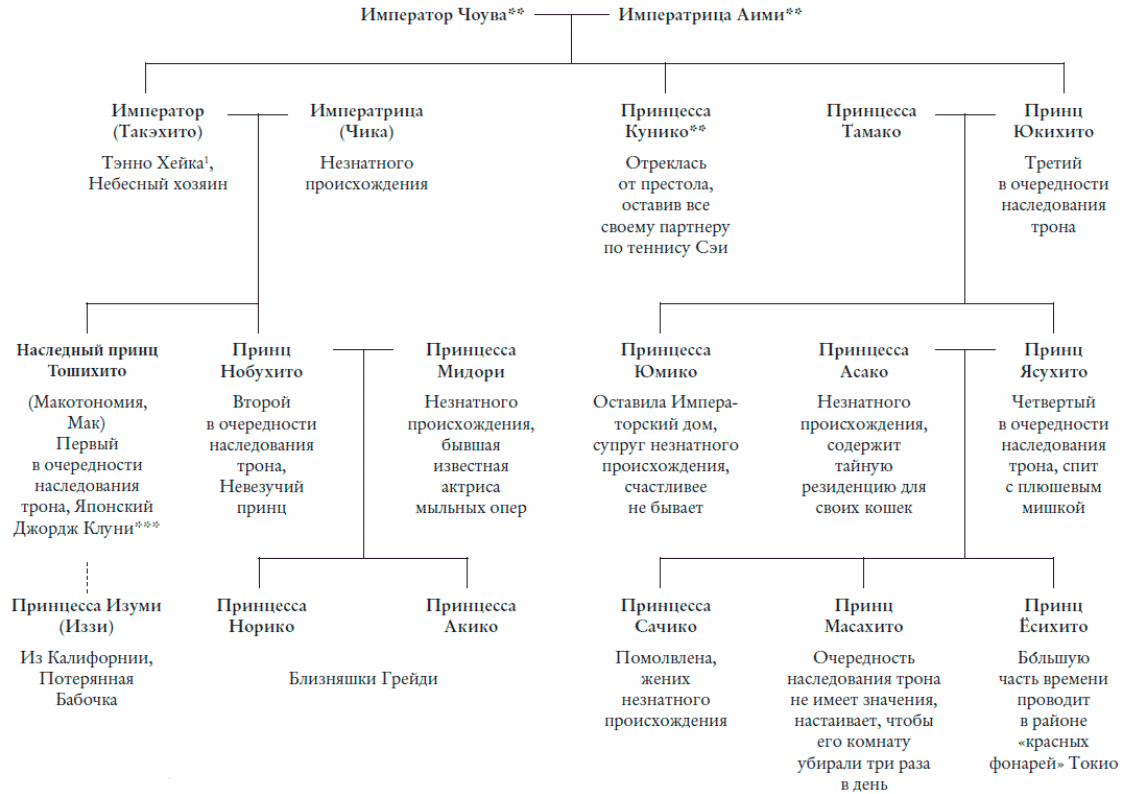
1	7
2	12
3	17
4	22
5	29
6	36
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эмико Джин

Токио. Долго и счастливо

Посвящается девушкам, которые слушают свое сердце

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ*

¹ Японское иероглифическое сочетание китайского происхождения: *тэнно*, или «Небесный хозяин», «небесный государь», обычно переводится на русский язык как «император». Уважительное обращение *хэйка* означает «подножие». Оно указывает на подножие лестницы императорского дворца. В русском языке это обращение традиционно переводят как «Его величество». – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

* Неофициальная родословная с примечаниями.

** Умершие.

*** До Амаль и рождения близнецов.

СПЛЕТНИК ТОКИО

«Потерянной бабочке» пообломали крылья

4 апреля 2021 года

Свадьба премьер-министра Адачи и наследницы судоходной компании Хайи Таджимы прошла в роскошном отеле «Нью Отани» – с элегантностью, которая никогда не устаревает. Для главы правительства этот брак стал вторым – его первая супруга скончалась несколько лет назад. Тем не менее торжественное событие отпраздновали с особым размахом: господа во фраках, дамы в шелках. «Дом Периньон» лилось через край. В садовых прудах плавали привезенные из Австралии черные и белые лебеди. На торжестве собрался весь высший свет Японии, включая императорскую семью. Несмотря на затянувшиеся разногласия с премьер-министром, присутствовал даже его императорское высочество наследный принц Тошихито.

Однако всеобщее внимание в этот знаменательный день сосредоточилось отнюдь не на вражде. И даже не на женихе с невестой. Все взоры были направлены на новоиспеченную принцессу – ее императорское высочество принцессу Изуми, также известную под именем Потерянная Бабочка. Свадьба премьер-министра стала ее первым официальным выходом в свет. Взлетит ли она?

Принцесса, к слову, выглядела безупречно: шелковое платье нефритового цвета дополнял жемчуг Микимото из императорских хранилищ, подаренный ей самой императрицей. Прессе не позволили присутствовать на самом торжестве, но, судя по слухам, прошло оно так же безупречно.

Так почему же Потерянную Бабочку сегодня заметили в поезде, направлявшемся в Киото? Управление Императорского двора Японии настаивает, что это – запланированная поездка за город. Однако всем давно известно, что императорская вила в Киото – место раскаяния членов императорской семьи. В прошлом году туда отправили его императорское высочество принца Есихито после несанкционированной поездки в Швецию.

Кажется, нашей Бабочке все-таки пообломали ее крылышки. Что же за проступок совершила ее императорское высочество принцесса Изуми? За что ее отдалили от Императорского двора в Токио – никому не известно. Очевидно одно: кое у кого явно проблемы...

1

Священный долг лучших друзей – подговорить тебя на то, чего делать не стоило бы.

– Ты никогда не закончишь. Ты ведь уже пыталась. Как могла, – произносит вышеупомянутая лучшая подруга Нура. – Ты попробовала.

«Попробовала» значит посидела пять минут над сочинением на тему «Эволюция характера Гекльберри Финна». Изначально предполагалось, что Нура поможет мне. Я позвала ее для моральной поддержки.

– Лучше просто сдать и заняться чем-нибудь другим. – Она театрально прижимает руку ко лбу и падает на мою кровать, мастерски изобразив обморок. Как драматично.

В чем-то она права. Я четыре недели работала над журналом. Сегодня понедельник, а сдать его нужно во вторник. Я не настолько сильна в математике, чтобы просчитать вероятность закончить работу в срок, но уверена – она ничтожно мала. Приветствую вас, последствия моих собственных действий. Мы снова встретились, приятели.

Нура приподнимает голову с подушки.

– Боже, как же воняет от твоей собаки.

Прижимаю Тамагочи к груди.

– Он в этом не виноват. – У моего нечистокровного терьера редкое неизлечимое заболевание желёз. А еще такая-некрасивая-но-такая-милая мордочка и отвратительная привычка сосать собственные лапы.

Клянусь, иногда мне кажется, что я появилась на свет, только чтобы любить этого пса.

– Слушай, я не могу отказаться от задания. Мне нужно его выполнить, чтобы получить зачет, – к собственному удивлению, вырывается у меня. Обычно я редко слышу голос разума. Ладно, в нашей дружбе он вообще отсутствует. И все разговоры происходят примерно по такому сценарию:

Нура: *предлагает плохую идею*

Я: *сопротивляюсь*

Нура: *хмурится*

Я: *придумываю идею похуже*

Нура: *воодушевленно кивает*

По сути, она подстрекает, а я удваиваю. Она – Тимберлейк, я – Бил, она – Эдвард, я – Белла, она – Поли Ди, я – Джерси Шор¹. Моя «неразлейвода». Моя «либо вместе, либо никак». И так со второго класса, когда мы сдружились из-за цвета кожи – чуть более темного, чем у детей Маунт-Шасты². А еще из-за свойственной нам обоим неспособности просто следовать указаниям. «Нарисуйте цветочек». *Серьезно?* Как насчет целого океана с морскими звездами-преступниками и дельфином-детективом, который «не играет по правилам»³?

И да, мы обе состоим в БАД – Банде Азиатских Девчонок. Нет, мы не мафия – скорее, что-то вроде «Золотых девочек»⁴. А еще с нами Хансани и Глори. Членские взносы строгие и выплачиваются в связи с притязанием на азиатское происхождение. Суть: мы паназиатки. В городе, увешанном футболками в стиле тай-дай⁵ и флагами Конфедерации, дискриминация недопустима.

---

¹ Jersey Shore – популярное американское реалити-шоу, участником которого и был актер Поли Ди, в дальнейшем известный американский телеведущий и диджей.

² Город в штате Калифорния, США.

³ Возможно, отсылка к персонажу астродельфину из мультсериала «Мистер Пиклз».

⁴ Американский телесериал 1980-х годов.

⁵ Метод окрашивания ткани, а также название самого принта. Яркий психоделический узор, появился в западных странах

Нура смеряет меня взглядом.

– Пора сдать. Смириться. Покончить с этим. Принять свою неудачу. Пойдем лучше в «Эмпориум». Интересно, работает ли еще тот милый парень на кассе? Помнишь, как Глори растерялась и вместо двух кексов заказала два секса? Ну давай же, Зум-Зум, – упрасивает она.

– Лучше бы ты не слышала, как меня называет мама. – Я шевельнулась, и Тамагочи тут же выскочил из моих объятий. Не секрет: я люблю его сильнее, чем он меня. Он топчется по кругу и наконец ложится, уткнувшись носом в собственную задницу. Как. Мило.

Нура пожимает плечами.

– Поздно, я уже слышала. И мне понравилось! Теперь я не могу *не называть* тебя так.

– Я предпочитаю Иззи⁶.

– Ты предпочитаешь Изуми, – не остается она в долгу.

Все верно. Но уже к третьему классу меня до смерти замучили эти три слога, и мне захотелось упростить собственное имя. Так ведь легче для всех.

– Слушай, если уж белые могут выучить клингонский язык, то и с произношением твоего имени должны как-то справиться.

Что правда, то правда.

– Точно, – соглашаюсь я.

Нура барабанит пальцами по животу – верный признак того, что ей скучно. Затем садится, и ее губы расплываются в кошачей улыбке – загадочной, самодовольной. Еще одна причина, почему я люблю собак. Кошкам нельзя доверять: они обглодают твое лицо, когда ты умрешь. (Правда, у меня нет доказательств. Только стойкое внутреннее ощущение.)

– Ладно, забудь про «Эмпориум». Я, кажется, бледна и совсем не чувствую себя привлекательной.

Теперь улыбаюсь я. Это мы уже проходили, и я только рада повторить.

– Может, нам стоит припудрить носик? А потом посмотрим, м-м-м? – услужливо предлагаю я. Тамагочи наострил уши.

Нура с важным видом кивает.

– У гениев мысли сходятся. – Ее лицо снова озаряется улыбкой, и она бросается в сторону маминой ванной, так же известной как «Родео-драйв⁷ красоты». Сложно *удержаться* при одной только мысли о том, что там – в неприметной столешнице, покрытой виниловой пленкой, скрывающей многочисленные сколы, – блестящие лакированные палетки теней от «Шанель», ночная маска для лица с экстрактом черной икры от «Ля Прери», жидкая подводка для глаз от «Ив Сен-Лоран». Что, корейские средства по уходу за кожей? Да пожалуйста. Такое потакание своим маленьким слабостям дарит надежду на светлое будущее. Что-то вроде «сейчас дела по-настоящему плохи, но я верю, что бронзатор “Голден Годдесс” все исправит».

Ирония в том, что дорогая косметика – это полная противоположность маминой практичности. Она водит «Приус»⁸, перерабатывает все, что можно (иногда мне кажется, что ей нужен ребенок только для того, чтобы помогать переворачивать компостную кучу), и находит новое применение старым колготкам. Зачем выбрасывать обмылки? Их можно сунуть в старый чулок и намывать до последней капли. Мама не обратила внимания на мои слова, когда я указала ей на это лицемерие.

– Да пускай, – говорит она. – Это все загадки женственности.

в начале 1970-х годов благодаря движению хиппи.

⁶ Игра слов. Easy в переводе с английского означает «простой, легкий». Имя Иззи (*англ. Izzy*) созвучно со словом easy.

⁷ Улица протяженностью в две мили в городе Беверли-Хиллз, штат Калифорния, США, часть которой известна своими магазинами, торгующими предметами роскоши.

⁸ Имеется в виду Toyota Prius – первый в мире гибридный легковой автомобиль, который движется за счет как бензинового, так и электрического двигателей.

Не спорю. В нас, женщинах, загадок хоть отбавляй. Все сводится к одному: блески для губ и хайлайтеры – мамина тайная слабость. А наша с Нурой слабость – краситься, пока мама дает уроки в местном колледже.

Нура наносит на губы блеск от «Диор» и выглядывает в окно сквозь жалюзи.

– Опять Джонс во дворе.

Иду по ковру и вместе с ней смотрю в окно. Точно, он. Наш сосед одет в широкополую розовую шляпу от солнца, белую футболку, желтые кроксы и саронг⁹ – такой цветастый, что даже оскорбительно. Да в смысле, кто вообще додумался создать такую чертовщину?

У него в руках две банки с темной жидкостью, которые он ставит на заднее крыльцо нашего дома. Наверно, комбуча¹⁰. Это бородатое чудо запало на мою маму, заваривает свой собственный чай и держит пчел, а на его любимой футболке красуется надпись: «Любовь не различает цвет кожи». Это, конечно же, чушь. Любовь определенно различает цвет кожи. Пример: в седьмом классе я набралась храбрости и призналась объекту моего обожания, что он мне нравится. И тот ответил: «Прости, но азиатские девушки не в моем вкусе». Тогда-то моя личная жизнь и ступила на проклятый путь. Мои последние отношения закончились катастрофой. Его звали Форест, и он изменил мне на первой школьной дискотеке года. Само собой, мы расстались. Внезапно заболело в боку. Наверное, от несварения, но точно не от воспоминаний.

– От его нескончаемых подношений твоей маме становится как-то не по себе. Все равно что дикий кот, который оставляет на крыльце задушенных мышей.

Нура наносит еще один слой и разглаживает блеск губа об губу. Глубокий красный цвет подчеркивает ее индивидуальность. Слово «неброский» в ее лексиконе отсутствует.

Скрещиваю руки на груди.

– Две недели назад он принес ей книгу-гербарий.

Может, мама и профессор биологии, но именно ботаника – ее истинная страсть. Пусть Джонс и не разбирается в моде, зато подкатывает он – надо отдать ему должное – превосходно.

Нура отходит от окна и бросает блеск на мамино одеяло, купленное на барахолке. Мама – настоящий фанат старинных вещей.

– Ты про эту? «Редкие орхидеи Северной Америки»?

Она сейчас возле маминой тумбочки и роется в ее вещах. Вот проныра!

– Нет, – отвечаю я. – Это что-то другое.

Я никогда особо не обращала внимания на эту книгу. Редкие орхидеи и все такое прочее – это не ко мне.

Нура раскрывает книгу.

– Ра-ро, Скуби-ду¹¹. Это еще что такое? – Она указывает на титульную страницу и начинает читать: – «Моя дорогая Ханako...»

До меня доходит не сразу. *Дорогая? Ханako?* Я бросаюсь к ней и выхватываю книгу из рук.

– Жадина, – бормочет Нура, кладя голову мне на плечо.

Почерк аккуратный, с наклоном. Карандаш еле видно.

Моя дорогая Ханako,

пожалуйста, пусть эти строки скажут то, что я не могу выразить словами:

⁹ Традиционная одежда народов Юго-Восточной Азии – полоса ткани, обертываемая вокруг бедер или груди и доходящая до щиколоток.

¹⁰ Натуральный ферментированный напиток, получаемый за счет брожения бактерий и дрожжей. В России известен как «чайный гриб» (также «японский гриб», «маньчжурский гриб»).

¹¹ Звук, который произносит пес Скуби-ду в мультфильме.

Я бы хотел быть так близко
К тебе, как мокрая юбка
Рыбачки близка к ее телу.
Думаю о тебе всегда.

– Ямабэ-но Акахито

Твой

Макото «Мак»

2003

Нура тихо присвистнула.

– Кажется, Джонс – не единственный тайный воздыхатель твоей мамы.

Опускаюсь на кровать.

– Мама никогда мне не рассказывала ни про какого Макото.

Даже не знаю, как относиться к этому. Странно думать о личной жизни родителей до твоего появления на свет. Пусть меня назовут самовлюбленной, но верить, что все началось в тот момент, когда родился ты, – это привилегия подростков. Из серии «*А вот и Иззи! Земля, теперь ты можешь возвращаться*». Может, это свойственно всем детям, у которых нет ни братьев, ни сестер, – не знаю. Или моя мама любила меня так сильно, что теперь я чувствую себя центром вселенной.

Пока я размышляю над увиденным, Нура осторожно говорит:

– Слушай. Ты же родилась в 2003.

– Точно, – сглатываю я, пристально вглядываясь в страницу. Наши мысли принимают невероятное, но интуитивно правильное направление. Мама говорила, что забеременела на последнем курсе колледжа. Мои родители окончили учебу вместе. Гарвард, 2003 год. Отец был еще одним студентом из Японии. Роман на ночь. «Но это не было ошибкой, – всегда говорила она. – Никогда».

Смотрю на имя. *Макото. Мак.* Какова вероятность того, что у мамы были отношения с двумя разными японцами в год моего рождения? Перевожу взгляд на Нуру.

– Возможно, он мой отец. – Так странно и так тяжело произносить эти слова. Табу.

Тема моего отца всегда была не чем иным, как биографической сноской. *Иззи родилась в 2003 году от союза Ханако Танаки и неизвестного мужчины японской национальности.* Вот только паршиво мне *вовсе не* от этого факта. Я – дитя двадцать первого века. Как я могу стыдиться сексуальной свободы моей мамы? Я с уважением отношусь к ее выбору, но даже слова «мама» и «секс», стоящие рядом, вызывают во мне непреодолимое желание что-нибудь поджечь.

Мне больно от незнания. Идя по улице, разглядываю лица и спрашиваю себя: не ты ли мой отец? Был ли ты с ним знаком? Знаешь ли ты обо мне что-то, что не известно мне самой?

Нура пристально смотрит на меня.

– Этот взгляд мне хорошо знаком. Тешишь себя надеждой.

Прижимаю книгу к груди. Иногда трудно не завидовать собственной лучшей подруге. У нее есть то, чего нет у меня, – мама, папа и огромная семья. Мне довелось побывать у нее дома на День благодарения. Это настоящая картина Нормана Роквелла¹², только с подвыпившим

---

¹² Американский художник и иллюстратор. Его работы пользуются популярностью в Соединенных Штатах; на протяжении четырех десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.

дядей, гранатовым соусом, пирожными с хурмой вместо яблочного пирога, и все говорят на фарси. Она знает, откуда она, кто она и что собой представляет.

– Я серьезно, – отвечаю наконец.

Нура опускается рядом и легонько толкает меня локтем в бок.

– Серьезно? Может, он твой отец. А может, и нет. Не надо делать поспешные выводы.

Слишком поздно.

Будучи ребенком, я много думала об отце. Порой я представляла его стоматологом или даже астронавтом. А однажды – хоть и никогда в этом не признаюсь – я пожелала, чтобы он оказался белым. По правде говоря, мне хотелось иметь белых родителей. Белый цвет означал красоту. Все мои куклы, модели и семьи, которых показывали по телевизору, были белыми. Это как с сокращением моего имени: с кожей на тон светлее и глазами покруглее жизнь бы значительно упростилась, а мир бы стал доступнее.

Снова смотрю на страницу.

– В Гарварде должна быть информация о студентах, – неуверенно вырывается у меня. Я никогда не осмеливалась разыскивать отца. Даже не завожу о нем разговоры – мама не особенно их поощряет. По правде говоря, меня *сдерживает* ее нежелание говорить о нем. Поэтому я молчала, не желая расшатывать лодку, в которой находятся двое – мать и дочь. До сих пор. Но и одной мне не следует соваться в эту тему. Друзья ведь и нужны для того, чтобы разделить ношу, разве нет?

Щелчок. Вспышка. Нура фотографирует страницу на телефон.

– Мы обязательно докопаемся до правды, – обещает она. Боже, мне бы ее уверенность. Ее самоуверенность. Хотя бы половину. – Ты в порядке?

Мои губы дрожат. Чувствую трепет в груди. Должно быть, грядет что-то большое. Грандиозное.

– Да, все нормально. Просто нужно многое обдумать.

Нура обнимает меня, крепко прижав к себе. Я тоже обвиваю ее руками.

– Не переживай, – произносит уверенный голос. – Мы разыщем его.

– Ты правда так думаешь? – Мои глаза блестят надеждой. На ее лице снова появляется кошачья улыбка.

– Скажи, а булочки с корицей – моя слабость?

– Судя по прошлому разу, да.

– Вот и ответ на твой вопрос. Мы найдем его, – быстро и уверенно кивает она.

О чем я и говорю. Либо вместе, либо никак.

2

Школа. Полдень. Вторник. Я несусь по коридорам Маунт-Шафта Хай. Прошло уже восемнадцать часов с тех пор, как планета сошла со своей орбиты, – я нашла книгу о редких орхидеях с полуоткровенным стихотворением внутри.

Вечер и утро прошли непросто. В голове роились вопросы: врала ли мама о том, что не знает моего отца? Если да, то почему? Знает ли отец о моем существовании? Почему тогда он не хочет со мной общаться? Это самая настоящая борьба. Старалась сохранить надежду, одновременно уклоняясь от мамы. Как же хорошо, что я умею увиливать. Под моей кроватью хранятся полбутылки персикового шнапса и парочка любовных романов (обедневший герцог плюс наследница из низшего сословия равно любовь навсегда). Мама, конечно же, ни о чем даже не догадывается. Самое главное – вести себя как обычно: девушка просто занимается своими делами, что тут особенного?

Вижу вход в библиотеку и бросаюсь вперед, проталкиваясь через группу ковбоев и двух девчонок – обеих зовут Хармони. За мной захлопываются двойные двери.

Наконец-то тишина. Вот бы от мыслей можно было избавиться так же легко. Среди стеллажей меня ждет Нура. Она вся как на иголках. Я тоже нервничаю. За последний час чат БАД наводнило сообщениями.

Нура: *о боже, о боже, о боже.*

Нура: *Важные новости. Срочная встреча БАД в библиотеке во время перерыва на ланч.*

Глори: *Мы едим там каждый день.*

Я: ?

Нура: *Не опаздывайте. Вы не можете этого пропустить.*

Глори: *Если это опять про третий сосок Дэнни Мастерсона...*

Нура: *ЕСЛИ БЫ!*

Хансани: *Хотя бы намекни.*

Я: ??

Нура: *Вот еще. И все испортить? Тебе придется подождать. Без обид.*

Я тяжело вздыхаю – внутри как будто сдувается шарик, когда-то полный надежды. Скорее всего, важные новости Нуры никак не связаны с моим предполагаемым отцом. Она живет срочными встречами.

– Ну наконец-то.

Нура хватает меня за руку и тянет сквозь стеллажи. Мы оказываемся в углу, выходящем на северо-восток. Стройная шриланкийка Хансани и полуфилиппинка Глори с бровями, за которые я готова отдать жизнь и/или убить, уже ждут нас за нашим столиком. Это мои девочки. Мы все обладаем одной уникальной способностью: достаточно одного лишь внимательного взгляда, чтобы понять чувства друг друга. Наша связь зародилась еще в начальной школе, где мы поняли, что нашим самым большим «недостатком» была наша внешность.

Мне в этом помогла Эмили Биллингс. Она прижала меня к стенке школьного автобуса, сильно раскосив пальцами свои глаза. Я знала, что отличаюсь от других, но не знала, что это плохо, пока мне на это не указали. Конечно же, я рассмеялась вместе с другими детьми. В конце концов, юмор – лучшая защита. И притворилась, что меня эта выходка ни капельки не задела, как не задел и вопрос о том, празднует ли моя семья нападение на Перл-Харбор, как они празднуют Рождество. Или когда ребята попросили меня помочь им с домашней работой

по математике¹³. Им же хуже – я не дружу с цифрами. И все равно каждый раз внутри меня что-то тихо съеживается от стыда.

Во всяком случае мы справились. Научились игнорировать этнические стереотипы. Нуру постоянно спрашивают, почему она не носит хиджаб. Люди интересуются, не удочерили ли Глори, когда видят ее белого папу. Хансани вынуждена терпеть акцент мистера Апу¹⁴ – для начала, это другая страна. И, конечно же, бесконечные «*Нет, и все-таки, откуда вы на самом деле?*».

Девчонки уже приступили к своим обедам: у Хансани сегодня пита с хумусом, у Глори – яичный салат. Над столиком висит знак «Есть запрещено». Бла-бла-бла. Правила созданы, чтобы их нарушать.

Бросаю на стол свой рюкзак и бутылку с водой и улыбаюсь девочкам. Нура опускается на стул рядом со мной и щелкает пальцами, обращаясь с Глори:

– Ноутбук.

Глори переводит взгляд на Нуру, ее глаза сужаются.

– А где «пожалуйста»? – отвечает она, доставая свой блестящий «Хромбук».

Нура тыкает в нее карандашом.

– Ты знаешь, я обожаю тебя, несмотря на то, что твое имя тебе не идет.

Это правда. Хотя я бы никогда не сказала этого вслух. Глори из тех, кто сует палец в рот другому человеку, пока тот зевает, чтобы продемонстрировать свое превосходство. Нура со своей стороны тоже за словом в карман не полезет. Их отношения лучше всего описывает фраза «любовь и ненависть». Они так похожи друг на друга, что даже не догадываются об этом.

Глори протягивает ей свой ноутбук.

– Ткнешь в меня карандашом еще раз, и я врежу тебе по шее.

Что ж, сегодня скорее «ненависть», чем «любовь».

– Мы можем перейти к делу? – встречаю я.

Нура берет ноутбук и что-то быстро печатает.

– Да-а... Да, мы можем. – Замолчав, она переплетает пальцы рук и хрустит ими. – Барабанная дробь!

Хансани подыгрывает ей, стуча пальцами по столу.

Глори достает пилку и начинает затачивать ногти, превращая их в когти.

Я закрываю глаза. Собираюсь с духом. Шарик в моей груди снова наполняется надеждой. *Пусть это будет он. И если да, то, пожалуйста, хоть бы он не оказался серийным убийцей, коллекционирующим кожу жертв.*

– Я нашла его! Я нашла Макото. Мака. Твоего отца! – кричит Нура.

Открываю глаза и моргаю. Ее слова проникают под кожу. Укореняются. Прорастают. *И зацветают.* Чувства сменяются калейдоскопом. Но сильнее всего ощущается дискомфорт. И я делаю то, что у меня получается лучше всего, – шучу и ухожу от темы.

– Что? Это не про третий сосок Дэнни?

Нура отмахивается.

– Господи, да нет же. То было два с половиной месяца назад. А теперь, прежде чем показать, что я нашла, мне нужно кое-что вам сказать. – Она серьезна. И колеблется.

У меня вспыхивают уши. Хансани тянется через весь стол и накрывает ладонью мою руку. С помощью шестого чувства она может определять эмоциональные колебания. Это ее суперспособность.

---

¹³ Существует стереотип, что азиатские школьники преуспевают в математике.

¹⁴ Персонаж из мультфильма «Симпсоны» родом из Индии.

Смотрю на Глори и Хансани. Знают ли они, что нашла Нура? Обе качают головами. Нам свойственно общаться при помощи одних лишь взглядов. Мы всегда на одной волне. И сейчас мы все в неведении.

– Так. – Глубокий вдох. – Выкладывай.

Готовься к худшему. Надейся на лучшее.

– Мне очень нравится твой отец. – Нура томно вздыхает.

Хансани хихикает.

Глори закатывает глаза.

От нервов у меня перехватывает дух.

– Ну фу, – отвечаю. – Мы даже не знаем, отец ли он мне.

– Нет уж. Он твой папа.

Папа. Мысленно я всегда называла его отцом, но не *папой*. Первое – это титул, который дается при рождении. Второе зарабатывается со временем – после разбитых коленок, бессонных ночей и выпускных. *Папы* у меня нет. Но мог бы быть. Надежда иметь папу толкает меня к краю сиденья.

– Ты его точная копия. Взгляни-ка, – говорит Нура, поворачивая ноутбук так, чтобы было видно всем. На экране всплывают изображения.

– Вот же хрень! – Глори бросает пилочку на стол.

– Заткнись. – Хансани тихо свистит.

– Макотономия Тошихито, прошу любить и жаловать. Так кто твой папочка, Зум-Зум? – восклицает Нура. Она наводит курсор на фотографию и увеличивает ее. Когда смотришь вблизи, становится еще более жутко. Он позирует на фоне кирпичного здания. Возможно, Гарвард. На фото он совсем юн. Многообещающая улыбка полна глупых надежд. Улыбайся, пока жизнь не выбила зубы. Сходство поразительное. Даже страшно. Пухлые губы, прямой нос, щербинка между зубами – вылитая я.

Мой рот открывается, закрывается и снова открывается.

– Нура права. Горячий папочка.

По столу разносится стук кулаков. Пульс учащается. Напоминаю себе, что сердечные приступы среди восемнадцатилетних – явление редкое.

– Как ты... – Пауза. Собираюсь с духом. С мыслями. – Как ты нашла его?

– В Гарварде нет онлайн-доступа к списку студентов, зато есть страница с заявками и номером телефона. Я позвонила туда этим утром. Поговорила с очень крутой чикой по имени Оливия. Вышло забавно. Она выросла в Ашленде. – Ашленд находится неподалеку от Маунт-Шасты. – Мы прекрасно поладили и стали друзьями. Возможно, она назовет своего первенца в мою честь.

– Ну, давай ближе к делу, – фыркает Глори.

Что до меня, то я не могу оторвать от него взгляда. От Макото. Моего отца. От наших общих черт. У нас одинаковая форма бровей, хотя свои мне пришлось выщипать. Касаюсь пальцами экрана, но тут же одергиваю себя: только без этих розовых соплей.

Нура тем временем продолжает:

– Правда, многого рассказать она мне не могла – все из-за конфиденциальности. Так что это был своего рода тупик.

– О боже, – стонет Глори.

Нура насупилась ей в ответ.

– Тогда я решила поискать в «Гугле» и ввела в поисковой строке слова Макото, Мак, Гарвард 2003. И вуаля. Проще простого. – Нура машет рукой перед моим лицом. – Ты в порядке?

Слова застревают в горле.

– Да. Нет. Наверно?

– Что ж, пусть будет «да», потому что это еще не все.

Не все? Как это – не все?

– Только не падай сразу.

Нура на секунду замолкает и откашливается. *Кхм.* А я не могу оторвать взгляда от экрана.

– Он из императорской семьи. – Пауза. Ее лицо озаряется улыбкой. – Принц. – Снова пауза. Улыбка становится шире. – Если быть точнее, наследный принц Японии. Его настоящее имя – Макотономия Тошихито.

Стрелка часов над нашими головами отсчитывает секунды. Улыбка Нуры постепенно меркнет. Кажется, будто я стою в начале длинного и темного тоннеля.

– По-моему, ей плохо, – обеспокоенно шепчет Хансани. – Может, позвать медсестру?

– У нас больше нет медсестры. Бюджет сократили, забыла? – отрезает Глори.

Грудную клетку распирает от истерики. Иного выхода нет – только вверх и вниз. Мой смех резок и неуправляем. Да уж, кажется, я схожу с ума.

– Зум-Зум, правда, это не смешно, – замечает Нура. – Ты – дитя любви принца. Плод его чресл.

– Слова «плод» и «чресла» никогда не должны употребляться вместе, – замечает Глори с набитым яичным салатом ртом.

Нура поджимает губы.

– Значит, не верите мне. Никто из вас. Что ж, ладно. Тогда вот вам доказательства. На десерт. – Она закрывает фотографию и открывает газетную статью.

СПЛЕТНИК ТОКИО

Впервые за всю историю династии: старший из наследников Хризантемового трона¹⁵ не собирается вступать в брак

23 мая 2018 года

В свои тридцать девять лет его императорское высочество наследный принц Тошихито не планирует жениться, сообщает надежный осведомитель из дворца. Несмотря на вереницы подходящих кандидаток, наследный принц не желает остепениться. В управлении Императорского двора крайне озабочены таким положением дел, впрочем, публично в этом не признаются...

Далее в статье обсуждаются подходящие для наследного принца невесты: дальняя родственница императорской семьи, племянница служителя Храма Исэ, внучка экс-премьер-министра Японии, дочь богатого предпринимателя. Текст сопровождают фотографии дам, держащих отца под руку. Те красуются и жеманничают, купаясь в лучах славы и его внимания. Он же, напротив, непоколебим, хмур, взгляд его тверд. Да уж, не сравнить с фотографией на фоне Гарварда. Дальше по тексту идет критика невест. Неподходящая шляпка для вечеринки в саду, неподходящие перчатки для обеда на государственном уровне, недостаточный семейный бюджет – или наоборот, *слишком* достаточный.

Девчонки собрались за моей спиной и тоже уставились в монитор.

---

¹⁵ Трон императора Японии. Название происходит от императорской печати Японии – 16-лепестковой желтой хризантемы.

– Да он просто вылитый азиатский Джордж Клуни, – говорит Хансани.

– Ага, только до Амаль и рождения близнецов, – уточняет Глори.

Я закрываю статью и следующие несколько минут разглядываю его фотографии. Вот он в королевской ложе в Ковент-Гарден вместе с Принцем Чарльзом и Камиллой на опере «Травиата». Здесь он на бранче с Великим герцогом Люксембургским в замке Бецдорф, а тут – на Средиземном море с королем Испании. И все в таком духе: катание на лыжах с Хансом, принцем Лихтенштейна, обед на государственном уровне в ОАЭ с президентом шейхом ибн Заидом Аль Нахайян. И вдобавок ко всему, его *свежая* фотография с Джорджем Клуни! Захлопываю ноутбук и отодвигаюсь от стола. Нужно перевести дух.

Нура, Глори и Хансани растерянно улыбаются. От них веет тревогой. Возможно, если произнести это вслух, то станет больше похоже на правду:

– Мой отец – наследный принц Японии.

Не сработало.

Трудно поверить, но фотографии не врут. Мы похожи как две капли воды. Плод его чресл. Да уж, та еще фразочка.

– Детские мечты сбылись: ты – принцесса, – произносит Нура.

Принцесса. Большинство маленьких девочек мечтает быть принцессой. Только не я. Мама покупала мне кубики с изображениями Хиллари Клинтон и Рут Бейдер Гинзбург¹⁶. Я просто мечтала об отце, знать, кто я, и говорить об этом с гордостью.

– Если в тебе течет королевская кровь, то наверняка я тоже родовитая, – брякает Нура. – Когда я буду дома, то заплачу за составление своей родословной. Вдруг я наполовину Таргариен, на тридцать процентов принадлежу британской королевской семье и на сто процентов – пропавшая сестра Опры.

– Уверена: это так не работает, – замечает Хансани и при виде косого взгляда Нуры поднимает руки. – Ладно-ладно, просто говорю.

Проигнорировав ее, Нура обращается ко мне:

– Со мной никогда не приключалось ничего лучше: моя лучшая подруга – принцесса! – Она подпирает руками подбородок и, хлопая глазами, смотрит на меня. – Уж я своего не упущу.

У меня голова идет кругом. Я не могла даже подумать о таком – не то что мечтать. Ждала целых восемнадцать лет. А теперь... комок в горле. Как же неприятно. И неизбежно.

– Вся моя жизнь – обман. Почему мама скрывала от меня правду?

– А вот это – вопрос на миллион, дружище, – шелкает пальцами Глори.

---

¹⁶ Судья Верховного суда США, известная женщина-юрист.

3

Сообщения

17:26

Я: Мысль о разговоре с мамой – определенно лучшее слабительное на свете.

Нура: Ты сможешь.

Нура: Вперед, в духе «Закона и порядка»¹⁷. Настало время ответить за содеянное. Ты – отважный прокурор, который привлечет ее к ответственности.

Я: Я бы предпочла быть Маришкой Харгитей. Она такая крутая! К тому же Айс-Ти – ее напарник.

Я: Ну все, я пошла. Мама дома.

Нура: Не забывай про Молот правосудия!

Вздыхнув, перевожу телефон в беззвучный режим. Так, плечи расправлены. Сердце наполнено решимостью. По-прежнему чувствую неприятное ощущение в животе. Оно сопровождает меня всю дорогу по коридору в кухню. Мама уже вовсю гремит посудой, открывая и закрывая дверцы шкафов, и наливает масло в большой вок. На ужин сегодня жаркое. Сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь. *Расслабься.* Веди себя естественно. Это не так сложно. Крутиться на кухне с шести часов, каждые десять минут спрашивая, когда будет готов ужин, – это твоя работа.

Подхожу к стойке и сажусь на один из стульев. Под шкафчиком на крючках висят кружки – мама их коллекционирует. На ее любимых написаны странные фразы. Прямо передо мной красуется надпись: «Геология рулит». Мама кладет передо мной разделочную доску, нож и разноцветные болгарские перцы.

– Давай режь, – кивает она.

Я делаю, что мне велено, – кромсаю оранжевый овощ.

– Мам?

– М-м? – Она заворачивает тофу в ткань. Пиджак уже успела снять, но «школьная форма» до сих пор на ней: классическая рубашка на пуговицах с закатанными до локтей рукавами и элегантная юбка-карандаш.

– Расскажи мне еще раз про моего отца. Ну, донора спермы.

Мы всегда были откровенны друг с другом. Иными словами – мать-одиночка и дочь, двое против целого мира. Вот только теперь все вдруг перепуталось. Изменилось. Но она пока этого не замечает. Это как развод родителей Глори. Ее мама остыла и начала встречаться с семейным стоматологом, а папа в это время готовился к двадцатой годовщине семейной жизни. Ложь перечеркнула все.

Мама закрывает глаза. Ну, конечно, сейчас начнется ее коронное «сегодня-был-длинный-день и у-меня-нет-времени-на-эти-разговоры».

– Я просила тебя не использовать эту фразу.

– Прости. Я учусь в государственной школе. У нас есть предмет «половое воспитание». Я слишком много знаю.

---

¹⁷ Американский телесериал 1990–2010-х годов.

Она разворачивает тофу, режет его на кубики и бросает в вок. Он шипит, и звук этот действует на меня приятно-успокаивающе – как будто возвращаешься домой.

– Эта тема может подождать? Я ужин готовлю.

Я сильнее сжимаю в руке нож: меня накрывает волна решимости. Я не злюсь. Совершенно.

– Нет, не может. Просто расскажи мне еще раз.

Она замирает и оборачивается. И подозрительно смотрит на меня.

– К чему все это? Тебе чего-то не хватает из-за отсутствия отца?

Ох! От выражения ее лица душа рвется на части. Моя решимость сменяется оборонительной позицией. Что мне ответить? *Да. Мне не хватает отца. Даже больше: мне не хватает прошлого.* Со стороны мамы семьи нет. Она сансей – японка в третьем поколении. Ее бабушка и дедушка эмигрировали в тридцатых годах прошлого века. Они не знали языка, и все, что у них было, когда они сели на направляющийся в Америку корабль, – это надежда на лучшую жизнь. После Второй мировой войны они спрятали фамильную реликвию – кимоно – под кровать, наряжали в декабре рождественские елки и говорили исключительно по-английски.

Но некоторые традиции – снимать обувь перед входом в дом, идти в первый раз к кому-то в гости не с пустыми руками, есть на Новый год тошикоши соба¹⁸ и моти¹⁹ – никуда не исчезли. Они просачиваются сквозь щели и лезут через стены. От этой призрачной жизни мне становится тоскливо. Я хочу понять себя. Хочу найти свои корни.

Но я не могу сказать маме, о чем думаю. Не могу признаться ей, что на вопросы людей обо мне отвечаю так, словно оправдываюсь. *Нет, я не говорю по-японски. Нет, я никогда не была в Японии. Нет, мне не нравятся суши.* Их разочарованные взгляды говорят сами за себя. Я неполноценная личность.

Ей будет больно от этих слов.

Поэтому я просто молчу.

Она медленно и мучительно вздыхает. И смотрит в потолок. Боже, дай ей терпения.

– Мы познакомились на одной из вечеринок на последнем курсе. Переспали. После окончания учебы я обнаружила, что беременна тобой. Но его было уже не найти.

– Ты не знала, как его зовут?

– Не знала. – Она не смотрит в глаза.

– И не знала, где он жил?

– Нет.

– А как насчет друзей? Ты пробовала разыскать его через них?

– У нас не было общих знакомых.

– Хм.

– Все? Что насчет твоего проекта по английскому? Ты закончила журнал о Гекльберри Финне?

Воспринимаю ее вопрос как личное оскорбление.

– Конечно, закончила. – На самом деле нет. Зато – и да здравствует оправдывающее обстоятельство в виде ПМС! – мне дали еще одну неделю на сдачу, о чем мама не знает. И пусть не знает дальше. – И нет, еще не все.

Тофу шкварчит в воке. Она бросает лук.

– Изуми. – Мне нравится, как мама произносит мое имя. За долгим «и» и мягким «зуми» скрывается добрая порция любви. Но сегодня примешалось раздражение.

– Значит, он не сказал тебе, что его зовут Макотономия Тошихито? – Я произнесла его имя мягко, но оно камнем упало на покрытый линолеумом пол. И в этот момент я понимаю: все

---

¹⁸ Традиционное новогоднее японское блюдо из лапши.

¹⁹ Японский десерт из особого рисового теста.

это время мама врала. Она сглатывает, ее губы раскрываются. Взгляд темных глаз устремляется на меня. *Виновна. Виновна. Виновна.*

– Откуда ты знаешь? – сталью звучит ее голос.

Я кладу нож с перцем на стол.

– Я видела его имя в книге, которая стоит на твоём ночном столике. Ну, ладно: всего лишь одну его часть – Макото. Вторую мы нашли с Нурой.

– Ты копалась в моих вещах? – Из низкого хвоста выбились пряди волос.

– Нет. – Это формальность. В ее вещах копалась *Нура*. – Я ничего не выискивала. Случайно наткнулась.

Она нахмурилась. Не верит мне. Но это не суть. Суть в том, что...

– Ты лгала мне. Ты говорила, что не знаешь его имени. Говорила, что он никто. Нет уж, *кое-кем* он все-таки является. – Ее обман раскрыт. Кажется, будто земля уходит из-под ног. Между нами образуется пропасть. Я скрещиваю руки на груди. Два болгарских перца так и остаются нетронутыми. К черту овощи. К черту ужин.

Ее лицо становится непроницаемым. Она отворачивается. Я вижу ее профиль.

– И что? Да, я знала, кто он, – отвечает она, перемешивая деревянной лопаткой тофу с луком. – Как банально: бедная девушка влюбляется в принца. Такое бывает только в сказках. А в жизни «и жили они долго и счастливо» не бывает.

– Мам? – Ее движения машинальны. Перемешивает. Перчит. Встряхивает вок. – Мама! – Она обращает на меня внимание. Мы смотрим друг на друга. Во взглядах – тысячи невысказанных фраз. – Почему ты обманывала меня?

Она пожимает плечами, промывает брокколи и садится резать ее мясным ножом.

– Вся его жизнь была распланирована. Моя же – только начиналась. Когда я узнала, что беременна, то рассказала об этом лишь одному близкому человеку. Я кое-что знала о придворной жизни, но она показала мне больше. И я поняла, что моя жизнь станет слишком ограниченной. Видела бы ты его в Гарварде. С ним всегда находился то камергер, то камердинер, то императорская гвардия или полиция. Мы тайком целовались в коридорах или сбегали в отели. Он жил как в аквариуме – на виду. – Мама останавливается, вытирает руки полотенцем для посуды и продолжает: – За женщинами императорской семьи следят особенно тщательно. Все рассматривается под увеличительным стеклом. Их критикуют за идеи, которых они придерживаются, за одежду, которую носят, и ребенка, которого вынашивают. Я была свидетелем того, как твоему отцу давали выбор – словно маленькому ребенку. Ты можешь выбрать или одно, или другое, но не то и другое. Твоя жизнь будет определяться семьей, в которой ты родился. Этого я не хотела для тебя. Для нас.

– И он согласился?

Она отвернулась.

– Я ему не сказала.

Моя рука сжимается в кулак. Восемнадцать лет! – и мой отец даже не знает о моем существовании.

– Ты должна была сказать ему. Он... Возможно, он бы остался в Штатах.

Во всем белом свете нет ничего печальней ее улыбки.

– Он неоднократно повторял: если он останется в Америке, то будет чувствовать себя как дерево без солнечного света. Как я могла просить его об этом?

– Ты могла бы сказать мне. Я заслуживаю знать правду.

– Ты права. – Она выключает плиту и снимает вок с горячей конфорки. Затем тянется через стойку и берет меня руками за щеки. Ее пальцы холодны. – Нам ведь хорошо жилось вместе, правда? Думаю, мне остается сказать лишь одно: я заботилась о твоих интересах.

Видимо, тогда сработал материнский инстинкт – защищать до последнего. Но взрывоопасная смесь из моего гнева и предательства мамы затмили ее добрые намерения. Я срываюсь.

– И о своих, – отвечаю.

Она отстраняется.

– Что?

– О своих интересах ты тоже позаботилась, – указываю на ее материнский эгоизм. Моему отворотительному поведению нет оправданий. Но порой, когда тебе плохо, ты поневоле тянешь за собой в трясины и других, чтобы там, на самом дне, не было так одиноко. – Ты не хотела жить с моим отцом и сделала свой выбор. А у меня даже выбора не было.

Мама шумно вдыхает. Я попала в самое больное место.

– Изуми...

Встаю со стула. Я потеряла бдительность с собственной мамой. Огромная ошибка. Никогда бы не подумала, что она способна меня ранить. Мир жесток и враждебен. Совсем скоро дела станут по-настоящему плохи. На горизонте уже замаячила истерика.

Медленным шагом направляюсь в свою комнату зализывать раны.

Мама знает, в какой момент лучше взять небольшой таймаут. Пока я плачу, Тамагочи спит. Эмоциональная поддержка – это не про него. Наши отношения однобоки. Я балую его лакомствами, а он рыгает мне в лицо. Такова жизнь.

Нура присылает гифку – танцующего на задних лапках чихуахуа.

Нура: *Ну-у?! Что сказала мама?*

Переворачиваю телефон. Все еще пытаюсь понять, что чувствую, расковыривая корочку на ране гнева. Я зла.

Вдруг – стук в дверь.

– Зум-Зум?

Входит мама. В руках у нее – миска с рисом и жаркое. Она ставит ужин на комод и садится рядом на кровать. Я еще сержусь, потому перевожу взгляд в окно. Она берет мою руку. Несмотря ни на что, ее теплое, спокойное прикосновение успокаивает.

– Мне давно нужно было рассказать тебе правду, – произносит она. Ее голос тихий, безмятежный, легкий. Ложь больше не отягощает его. – Твоего отца зовут Макотономия Тошихито. Он наследный принц Японии. И однажды станет императором. Люди кланялись ему, но меня он об этом никогда не просил. Я называла его Мак. И когда-то он был моим.

Солнце все ближе опускается к горизонту. Во дворе колышется высокая трава.

Вскоре я уже знаю все. Мои родители познакомились на вечеринке. Любви с первого взгляда не случилось. Зато между ними прошел разряд, который привел к телефонным звонкам, затем – встречи, а потом – и совместные ночи. Они договорились держать их отношения в тайне. Мама не хотела привлекать внимание.

– Я упорно трудилась, чтобы оказаться там, где была. И не могла рисковать своим положением ради парня, – поясняет мама. – Он уважительно относился к моим желаниям. Нам было хорошо вместе, но мы оба знали: рано или поздно все закончится. Мы из разных миров. – Она смеется. – Он не умел ни гладить рубашки, ни стирать, ни суп сварить. Он пил, как лошадь, ему нравилось крафтовое пиво. А еще он был очень смешным. Он обладал сухим чувством юмора и злым остроумием. Ты мог даже и не подозревать, что он вонзает в тебя шип сарказма, и вот ты стоишь, истекая кровью, а его уже и след простыл.

Я прищуриваюсь.

– Все эти годы ты хранила подаренную им тебе книгу?

Она опускает взгляд на колени.

– Это редкое издание. Я забыла, что там стихотворение. – Мы обе знаем: она говорит неправду. Мама все еще безответно влюблена в моего отца. Это ее тайна, и она хранит ее.

Мама поднимается и достает из кармана лист бумаги.

– Понятия не имею, как можно связаться с ним сейчас, но общие друзья у нас имелись. Дэвид Мейер – профессор химии в Стокгольмском университете. Они с твоим отцом общались довольно близко. Возможно, они все еще поддерживают контакт. – Она кладет лист возле меня и касается моего плеча, затем – щеки. – Поешь чего-нибудь.

Мама уже закрывает за собой дверь, как вдруг я говорю:

– Прости... за мои слова.

– И ты меня прости, – отвечает она. – Что я ни слова не сказала об этом раньше. – Над образовавшейся между нами пропастью воздвигается мост – шаткий, но сносный. Все будет хорошо.

Мне не терпится схватить листок.

– Один вопрос. Ты правда не против, если я попытаюсь связаться с ним? – спрашиваю я. Если он выйдет на связь, то нас накроет с головой волна всеобщего внимания. Наши жизни могут резко измениться.

Мама медлит с ответом. На ее плечи давит страх. Она один-единственный раз качает головой и распрямляет спину. Этот фирменный мамин жест означает: она готова к испытаниям. Я уже видела его раньше, в тот самый день, когда впервые пошла в детский сад. Я вцепилась ей в лодыжки и плакала, а она пыталась высвободиться из моей цепкой хватки. Или когда она порезала руку, готовя мне сэндвич. Кровь была повсюду. Мама обмотала руку полотенцем, и мы отправились в отделение неотложки, но только после того, как она собрала мне обед и книги. Она всегда ставила меня на первое место.

– Нет, не против. – Ее голос такой мягкий и чуткий, что мне снова хочется расплакаться. – Я добилась желаемого. Наша жизнь куда скромнее, чем его. Но я счастлива.

Она уходит, и я беру в руки лист бумаги. На нем написан адрес электронной почты Дэвида Мейера. Нажимаю на телефоне на конвертик.

Уважаемый господин Мейер!

Меня зовут Изуми Танака. Моя мама, Ханako, в 2003 году окончила Гарвард. Возможно, вы до сих пор поддерживаете связь с моим отцом, Макотономией Тошихито. Надеюсь, вы сможете мне связаться с ним. Ниже оставляю для него сообщение, которое вы могли бы ему переслать.

С уважением,

Изуми

Сделав глубокий вдох, начинаю сочинять письмо отцу.

Дорогой Мак,

вы меня не знаете, зато я вас знаю.

Нет, это перебор. Слишком несерьезно. Удаляю и начинаю заново.

Уважаемый Наследный Принц Тошихито,

Думаю, я ваша дочь...

4

– Ничего? – спрашивает Глори, теребя в руках салфетку.

Я откидываюсь на спинку красного винилового дивана и глажу набитый до отвала живот. «Сытый медведь» – это закусовая в Маунт-Шасте. Она известна своими меню в формате газеты, безвкусным декором в виде черного медведя-лесоруба и бисквитами размером с тарелку. Мы частенько заглядываем сюда. Пришли. Поели. Победили. Наши лучшие моменты мы проживаем здесь.

– Не-а.

Хансани мягко улыбается и поглаживает меня по руке.

– Подожди еще немного. Прошло всего около недели.

На самом же деле я написала сообщение Дэвиду Мейеру тринадцать дней, два часа и пять минут назад. Не то чтобы я считала... Просто вчера перестала проверять свой почтовый ящик каждые пять минут. Сейчас захожу в него один раз в час. Прогресс.

Мягко убрав руку, с признательностью смотрю на Хансани. В моем сердце для нее отведено особое место. У нее всегда спокойное счастливое лицо, а исходящая от нее энергетика напоминает «Любимцев Америки»²⁰. Вдобавок Хансани размером с эвока²¹: если бы она позволила мне, то я бы носила ее в кармане. Порой наши мнения расходятся. Как доброй половине населения Маунт-Шасты, ей нравится *The Grateful Dead*. Мне же их музыка кажется самовлюбленным брэнчанием на гитаре. Забросайте меня помидорами.

– Быть может, его ответ попал в «спам»? – предполагает Нура.

Хансани мычит в знак согласия.

– Уже проверяла. Ничего.

А что, если мой отец не желает меня знать? До сих пор мне это в голову не приходило. *Ауч*. Даже от одной мысли об этом больно. Мне не стоит так волноваться, ведь он – просто биологический незнакомец.

Быть может, если я часто буду повторять себе эти слова, то поверю в них.

А вот и счет. Расплатившись смятыми банкнотами, найденными в карманах или на дне сумок, оставляем чаевые мелочью. При выходе из заведения я застенчиво улыбаюсь официантке, как бы извиняясь: *простите за двадцать процентов в виде горстки звенящих монет*.

Мы загружаемся в машину Нуры – хетчбэк с отшелушивающейся краской и сколом от камня на лобовом стекле. Я прыгаю на переднее сиденье, и мы едем на Лейк-стрит к дому Глори. Вдали одинокой белой пирамидой вырисовывается гора Шаста. Мэйн-стрит осталась позади: один светофор, полдюжины магазинов с горными кристаллами, независимый книжный и кофейня.

– Сначала подбросим до дома тебя. – Нура смотрит на Глори через зеркало заднего вида. Мы обгоняем семью верхом на лошадях. – И еще: никогда больше не надевай эти штаны.

На ярко-фиолетовых легинсах Глори нарисованы глаза.

– Меня устраивает, – отвечает она. – А ты когда перестанешь носить два яичка на макушке? – Волосы Нуры собраны в два пучка.

Я оглядываюсь на Хансани, и мы обмениваемся улыбками. А те продолжают пререкаться до конца поездки.

Пятнадцать минут спустя мы подъезжаем к дому Глори, покрытому кедровой черепицей.

²⁰ Американская комедия 2001 года, показывающая идеализированную счастливую семейную жизнь двух голливудских звезд-актеров.

²¹ Вымышленная раса существ из фантастической саги «Звездные войны», для которой характерен невысокий рост.

– О черт. – Глори откидывается на спинку сиденья, прижимая к груди сумку. Мы все понимаем, что происходит. Перед домом припаркована «Мазда Миата», а по дорожке идет новый бойфренд ее мамы. Стоматолог. Он носит толстую золотую цепочку и слишком часто повторяет «круто». Глори презирает его и скорее поймает голыми руками рвоту, чем заговорит с ним. И неудивительно: он – самый настоящий разлучник семей и, кажется, помешан на азиатках. К тому же познакомились они с мамой Глори на «Фейсбук Маркетплейс». Вот так. – Мне придется с ним говорить. – Вот он уже машет рукой.

– Поняла тебя. – Нура достает телефон и звонит Глори по громкой связи.

Вылезая из машины, Глори снимает трубку.

– Привет, что-то срочное? – Она проходит мимо стоматолога, не произнося ни слова и даже не глядя на него. Я молча держу за нее кулаки.

– Да, очень, – отвечает Нура. Глори уже прошла полпути. Стоматолог в машине. – Сзади эти штаны смотрятся еще хуже.

Глори открывает входную дверь.

– Да иди ты, – произносит она, но в ее голосе ни капли гнева. Дверь закрывается.

– В целости и сохранности? – спрашивает Нура.

– В целости и сохранности. Люблю тебя.

– И я тебя люблю. – И обе вешают трубку.

Затем следует очередь Хансани. Дом в стиле «крафтсман» по всему периметру огибает терраса.

– У тебя добрая, прекрасная душа, Нура, – говорит она, открывая дверь.

Нура делает вид, что разглядывает ногти.

– На твоём месте я бы не стала никому об этом рассказывать. Я буду все отрицать, и тогда тебя назовут врушкой. И мне будет за тебя стыдно.

Хансани хихикает и убегает по дорожке к дому.

Мы уезжаем. Нура мчится по улицам Маунт-Шасты. Ее манера водить – нечто среднее между «Марио Карт» и GTA. За это ленивое воскресенье я уже трижды хваталась за потолочную ручку. Она хлопает меня по коленке.

– Я не видела тебя такой молчаливой с тех самых пор, как ты рассталась с тем-чье-имя-нельзя-называть-вслух.

Она имеет в виду Фореста. Когда я узнала, что он мне изменил, он назвал меня «эмоционально неуравновешенной». А я его – мешком с крысами, замаскированным под человека. И вообще не жалею. У нас все равно ничего бы не вышло: ему нравятся девушки, которые не пользуются косметикой. А мне нравятся парни, которые не указывают девушкам, что им делать со своим телом.

Но причина моего мрачного вида совсем не Форест. Я пытаюсь убедить себя, что письмо просто не дошло до отца. Но оправдываю его я уже не впервые. На протяжении восемнадцати лет я повторяла себе, как мантру: *Если бы он знал о твоём существовании, то любил бы тебя*. Я могла бы рассказать об этом Нуре, но говорю совершенно другое:

– Просто пытаюсь пережить эту поездку. – Мои губы растягиваются в фальшивую улыбку. – Без обид.

Она поджимает губы. В мою сторону как бы невзначай вытягивается средний палец.

– Обидненько. Но я бы обиделась сильнее, если бы не знала, что ты уходишь от ответа.

Поскольку страдать в компании лучше, я выкладываю все начистоту.

– Он не ответил мне, Нура, – срываюсь я, падая духом. – Я совершила роковую ошибку. Это еще хуже, чем не знать об отце. Не надо было даже пытаться искать его. – Новое правило: никогда не рисковать. Риск – для смелых и жестокосердных. О чем я вообще думала? Я даже на обед ем всегда одно и то же. Боже, я умираю. Умираю.

Нура перестраивается на другую полосу, и меня буквально сносит в сторону. Хоть она и преуспевает в учебе, я точно знаю: экзамен по вождению дался ей с трудом.

Вибрирует телефон. Сообщение.

Мама: *Ты где?*

Я: *С Нурой. Скоро буду.*

Пять пропущенных звонков. И тоже от мамы. Мы поворачиваем на мою улицу, и Нура замедляет ход. *Слава богу.* На тротуаре припаркованы машины. *Хм-м.*

– Должно быть, у Джонса снова гости, – рассеянно говорю я. Наш сосед проводит у себя разные мероприятия, от обедов «с огорода – на стол» до ежегодной псевдовакханалии «Встреча племен радуги», когда в Маунт-Шасте собираются группы людей, пропагандирующих мир, свободу, взаимоуважение и так далее. Им нравятся танцы, бонго и ходить нагишом. Обвисших булочек я повидала столько, что скоро кровь пойдет из глаз.

Мы останавливаемся на усыпанной гравием дорожке, прямо за маминым «Приусом». Приходит новое сообщение.

Мама: *Не выходи из машины.*

Слишком поздно. Мои ноги уже топчут гравий. Вдруг хлопают дверцы машин. Вспышки света. Затем я слышу его – мое имя.

– Принцесса Изуми, сюда.

Я поворачиваюсь, как идиотка. Снова вспышка. Я на мгновение слепну и моргаю. Вскоре зрение возвращается. Напротив меня – группа журналистов. Большинство из них – азиаты, но есть и несколько белых. Присматриваюсь к одному бейджу. На нем написано: «Пресса. Сплетник Токио».

– О Господи! – восклицает Нура. Она, как и я, в оцепенении. В руке болтаются ключи, рот открыт, а челюсть неустанно подрагивает. Она потеряла дар речи – впервые вижу ее такой. Но времени на созерцание нет: нас окружили.

– Вы поедете в Японию?

– Каково это – расти без отца?

– Вы всегда знали, кто ваш отец?

Чья-то рука приобнимает меня за плечи.

– Изуми, – раздается мамин голос. Нура тоже приходит в себя. Она повторяет за мамой и берет меня за руку. Вместе им удастся развернуть мое одеревеневшее тело, и они заводят меня на крыльцо. Опять вспышки. Шквал бесконечных вопросов. Снова и снова звучит мое имя, сопровождаемое словом «принцесса».

Принцесса Изуми. Принцесса Изуми. Принцесса Изуми.

Дверь захлопывается. Мы дома. Я на мгновение оглохла, как после музыкального концерта. Уши заложило, нервы напряжены. Пытаюсь подобрать слова, привести в порядок мысли. Лай Тамагочи делает только хуже. Конечно, именно в такой момент мой вонючий, сонный пес должен показать свой характер. Я поднимаю его, заставляя умолкнуть.

– Я же сказала тебе: не выходи из машины, – замечает мама.

Знаете, что меня по-настоящему бесит всегда? Когда мама говорит мне: *я же сказала тебе.* Смотрю на нее испепеляющим взглядом.

– Это было мощно. – Нура опускается в кресло рядом с окном.

Жалюзи закрыты, но я сквозь щелочки наблюдаю за теньями. Они все еще там.

Я нечасто ругаюсь, но сейчас самое время для:

– Вот дерьмо.

– Кхм-кхм.

Ах, так мы не одни. Мама отходит в сторону. За нашим кухонным столом сидят трое японцев, одетых в синие костюмы. Ну, вы понимаете: стандартная форма для чиновников немного за пятьдесят. Они поднимаются и плавно, низко кланяются. Их кожаные туфли отполированы до блеска. Ого. Я никогда прежде не замечала, какой желтый у нас линолеум и потрепанные шкафы – явно не в стиле «потертый шик».

Один из незнакомцев выступает вперед. Он совсем не высокого роста, в круглых очках.

– Хаджимемашитэ²², Ваше Высочество. – И снова кланяется.

Мамина улыбка натянута, как канат. В знак приветствия она протягивает руку.

– Изуми, это его превосходительство посол Саито из посольства Японии. Он прилетел из Вашингтона.

Только теперь припоминаю черный городской седан с флажками, припаркованный возле дома. Но я не обратила на него внимания. Возьму на заметку: перестать заикливаться только на себе.

– Я пыталась дозвониться до тебя, – говорит мама.

– Ты же знаешь: я предпочитаю общаться печатными словами, – отвечаю ей сквозь зубы. Сообщениями. Я имею в виду сообщениями.

Мама выглядит измотанной. Неудивительно: она принимает иностранных высокопоставленных лиц в домашних тапочках-кошках и футболке с надписью: «Взрослей». Я одета не лучше: «Сытый медведь» подразумевает штаны на резинке и большие футболки. Хорошо еще, что утром завязала волосы в пучок. И надела лифчик – это уже успех. Bravo, умничка.

Нура быстро пролистывает страницы в телефоне.

– Вся иностранная пресса только и пишет о тебе.

– Мы просим прощения за масс-медиа. Мы надеялись прибыть сюда раньше них, но наш рейс отменили, – говорит посол Саито.

– Но как они узнали? Как нашли наш адрес?

– Печальное стечение обстоятельств, но вполне ожидаемое. – Посол выступает вперед. – Японская пресса похожа на американскую. У них есть проверенные способы поиска информации. Наследный принц сожалеет, что эту ситуацию не удалось сохранить в тайне, и приносит свои глубочайшие извинения, что не смог присутствовать лично. А также за все доставленные вам и вашей матери неудобства. Ему очень жаль, что обстоятельства сложились подобным образом. – Что ж, классно. Я – маленькая грязная тайна. – А еще он желает, чтобы вы присоединились к нему в Японии.

Один из сидящих за столом гостей достает из внутреннего кармана пиджака огромный конверт и протягивает его послу Саито. Все их движения спокойные, плавные. Уверена: нечто подобное я видела в шпионских фильмах, когда агенты обмениваются конфиденциальной информацией.

Посол обеими руками вручает мне послание и кланяется. Мама с Нурой не сводят с меня глаз. Беру конверт. Он тяжелый, белый и громко хрустит. На нем изящными буквами написано мое имя:

---

²² Приятно познакомиться.

Ее Императорскому Высочеству Принцессе Изуми

泉内親王殿下

Кажется, это слишком знаменательный момент для нашего скромного двухкомнатного жилища. Нура с мамой заглядывают через мое плечо, шеей чувствую их дыхание. Для друзей и матерей понятия «личное пространство» не существует. Я провожу пальцем под сургучной печатью – золотой хризантемой. Внутри – одна-единственная открытка. Слова написаны черными чернилами от руки витиеватым почерком. Сверху – еще одна золотая хризантема.

От имени Японской империи,

**Его Императорское Высочество Наследный Принц Тошихито
имеет честь пригласить свою дочь, Принцессу Изуми, в Японию**

и предоставляет ей для проживания дворец Тогу.

– Наследный принц просит добавить, что это приглашение с открытой датой. Он будет рад принять вас, когда вам будет угодно, – поясняет посол.

Я смотрю маме в глаза – два темных бездонных озера. Прочитать ее мысли невозможно. Она вспоминает гарвардские ночи с моим отцом, с этим непоколебимым человеком? Или ее волнует пресса на лужайке нашего двора, сорвавшая с нас покров тайны? Как бы там ни было, назад пути нет. Только вперед. Она спрашивает лишь:

– А как же школа?

Я сглатываю.

Нура улыбается. Ее мысли как раз прозрачны. *Давай. Давай. Давай.*

– Скоро весенние каникулы. Зум-Зум могла бы провести их там и задержаться еще на недельку, – услужливо встречает она и добавляет: – Все равно последний семестр выпускного класса – это просиживание штанов. – Нура подталкивает маму локтем. – *Не та-ак ли?*

Мама вздыхает, потирая лоб.

– Думаю, пропустить неделю или две учебы – не самое худшее, что может случиться в жизни. Это твое решение, дорогая. Подумай. Уверена: посол Сайто не ждет мгновенного ответа.

Посол совершенно безмятежен:

– Конечно же, нет. Не торопитесь.

Снова все взгляды устремляются на меня. *Не торопитесь* звучит как *в ближайшие шестьдесят секунд*.

Смотрю на приглашение, прикусив нижнюю губу, обдумываю. Позволяю себе отвлечься мыслями о Японии, об отце.

Дело, безусловно, рискованное.

Плюсы. Отец и страна, где я могу найти свое место, стать своей, появляться на телевидении и быть в окружении тех, на кого я похожа. Было бы здорово ходить в рестораны и не быть в меньшинстве. Минусы. Опасения не оправдать ожидания отца и мои собственные. В общем, сжаться и провалиться в себя, как погибающая звезда. Так, пустяки.

Поднимаю глаза. На окружающих меня лицах такие разные выражения. Мама выглядит настороженной. Посол Саито ждет, лелея надежду. Нура хмурится, шепча мне на ухо:

– Если ты откажешься, то я тебя не знаю.

Добро пожаловать в клуб. Я даже не уверена, знаю ли сама себя.

– Ты хочешь побыть одна? – спрашивает мама. Она уже направляется в сторону посла Саито и его команды, чтобы выпроводить их из дома.

– Нет, – отвечаю. Мама останавливается. Смотрю на посла Саито. – Я принимаю предложение отца. – Удача любит смелых. Ведь так говорят?

– Прекрасно, – мурлычет он и затем что-то бормочет про то, как наследный принц будет рад услышать мой положительный ответ.

Пальцами отбиваю ритм на бедрах. Нура крепко обнимает меня.

– Ты не пожалеешь.

Надеюсь, нет. Должно быть, то же самое чувствуешь, когда стоишь на краю обрыва, а внизу пенится вода. Меня шатает, я напугана, взволнована – ни живая ни мертвая. То ли погибла. То ли воскресла.

Я еду в Японию, *черт побери.*

СПЛЕТНИК ТОКИО

Скандал века в императорской семье

21 марта 2021

Все внимание должно быть приковано к предстоящему бракосочетанию премьер-министра Адачи, но инициатива была перехвачена. Несколько недель назад старейшая и самая закрытая монархия в мире была поражена новостью: у его императорского высочества наследного принца Тошихито есть внебрачный ребенок. И это еще не все: девочка выросла в Америке, не зная о своих монарших корнях.

Управление Императорского двора никак не прокомментировало ситуацию и выпустило короткий пресс-релиз лишь после выхода новостей. Принцессы-близнецы, их императорские высочества Акико и Норико (фото сделано во время поездки посла доброй воли в Перу) воздержались от комментариев о новом члене семьи. Они отказываются отвечать на вопросы журналистов с 1 марта, когда вышла наша статья, рассказывающая о расстройстве адаптации их матери, ее императорского высочества принцессы Мидори. Интересно, как сестры справятся с известиями о новоиспеченной принцессе, ведь они привыкли быть в центре внимания.

В то же время его императорское высочество принц Есихито был замечен на открытии выставки в Художественном музее Мори. Там он поднял тост за

новую принцессу и заявил, что с нетерпением ждет встречи с ней. Напомним, три месяца назад принц Есихито резко разорвал связи с императорской семьей и покинул поместье. По сообщению Управления Императорского двора, он вернулся в гнездо после того, как ему было отказано в дальнейшем содержании. Таким образом, мероприятие в Художественном музее Мори стало его официальным возвращением к должностным обязанностям.

Сейчас ее императорское высочество принцесса Изуми направляется в Японию (на фото она с мамой в аэропорту Сан-Франциско). Потерянная бабочка наконец-то возвращается домой. Всем любопытно: кто же на самом деле эта американская выскочка? Как девочка из маленького американского городка приспособится к блеску и роскоши императорского двора? Готова ли она к монаршему обращению? Только время покажет...

5

– Ты взяла достаточно нижнего белья?

– Мам.

Симпатичный портье, укладывающий мой багаж в тележку, ухмыляется. Мы возле входа в аэропорт Сан-Франциско. Вчера я в последний раз поцеловала вонючую мордочку Тамагочи и попрощалась с Нурой и девчонками. Затем мы с мамой отправились в район залива Сан-Франциско, где и переночевали.

Уже семь утра. Небо на горизонте розовато-туманное. Мой вылет ровно через сто двадцать минут. Не пройдет и четырнадцати часов, как я буду в Японии, с отцом. Думала, что меня накроет чувство радости, а на самом деле ощущаю страх. Мама смотрит на меня в упор, со злостью шепчу:

– Да.

– А зубная капля?

Поднимаю рюкзак.

– В ручной клади.

– А папка, которую прислал посол Саито?

Точно, папка. Перед возвращением в Вашингтон посол Саито передал целую кучу документов, среди которых были:

1. Очень личная и подробная анкета, в которой спрашивалось обо всем, начиная от роста и веса и заканчивая планами и ожиданиями от будущего. Было немного неприятно оставить графу «японский» пустой и выбрать английский как единственный язык общения. («Не волнуйтесь, – благодушно ответил посол Саито, когда я поделилась с ним своими переживаниями по поводу языкового барьера. – Императорская семья и их окружение свободно владеют несколькими языками, в том числе и английским. Также вам будет предоставлен наставник, задача которого – помочь вам адаптироваться и освоить японский».)

2. Соглашение о неразглашении на двадцати листах. Мне запрещается передавать третьим лицам финансовые, личные, секретные и архитектурные сведения, касающиеся императорской семьи и всех приближенных. В общем, самые настоящие правила «Бойцовского клуба».

3. Досье (та самая папка) с информацией о рейсе и об истории императорской семьи: кто есть кто, разные родословные, личная информация, должностные обязанности, общественная деятельность, имущество, внешние связи и роль Управления Императорского двора, а также сведения о других важных лицах.

Надеюсь перечитать во время полета. Есть вещи, которые невозможно изменить. Я откладывала чтение до последнего. Нет, я ни в коем случае не увиливаю. И вовсе не напугана ни родословными моих императорских кузенов, ни моим вступлением в состав старейшей монархии в мире. Подумаешь.

Стучу по рюкзаку.

– Тоже здесь.

Неподалеку стоит полицейская машина. С момента выхода новости правительство США для своей дружественной страны Японии приставило ко мне круглосуточное сопровождение. Стараюсь не думать о расходах. Кому-то платят за наблюдение за нами с мамой, как мы едим сладости в ресторанчике «Маленькая Италия». Конечно же, я угостила каждого из этих ребят канноли²³. Хотя бы так.

---

²³ Вафельная трубочка с творожной начинкой.

Замечаю портье, смотрящего прямо на нас. Рада, что он наслаждается зрелищем. Для справки: я все еще сгораю от стыда.

Мама прикусывает губу.

– Посол Саито ничего не говорил, нас встретят здесь?

Она устраивает шоу, прочесывая местность. Недалеко от нас парочка журналистов – иностранная японская пресса. Мое возмущение по поводу того, что за мной следят, медленно нарастает. Я до сих пор не определилась, что думаю о людях, считающих, будто у них есть право лезть в мою жизнь. Как минимум немного смущает. Это как однажды я искала лифчики в интернет-магазинах, а две недели спустя меня повсюду преследовали рекламные объявления с грудью. В некотором смысле сейчас я была общественным достоянием.

– Зум-Зум.

– М-м? – Смотрю на маму.

– Нас должны здесь встретить.

Точно. Посол Саито говорил, что в аэропорту меня встретит императорская служба безопасности, вот только... здесь или в Токио? Не знаю. И не уточнила. Мама явно не оценит мое недостаточное внимание к деталям, поэтому я говорю лишь одно:

– Мам. Все будет хорошо. Со мной все будет хорошо.

Она хватается за плечи.

– Тебе пора... идти. – На последнем слове она всхлипывает.

У меня в горле ком.

– Я не поеду. – Мама с силой толкает меня. – Ай, мам.

– Нет. Это я выдворяю тебя из гнезда. – И крепко обнимает.

У меня голова кругом. Я знала: в последний год учебы многое изменится, но думала, что все будет по стандарту. Выпускной. Вручение аттестатов. Колледж.

Отпрянув, рукавом смахиваю слезы пополам с соплями. Мне уже плевать на слонящегося рядом портье. Мама снова захватывает меня мертвой хваткой.

– Старайся держаться подальше от неприятностей.

Хм-м. Можно подумать, я такая проблемная.

– Я скоро вернусь, – заверяю маму. – Через две недели.

– Через две недели, – повторяет она. На ее лице застыла маска испуга, поэтому я улыбаюсь чуть шире. Должен же хоть кто-то выглядеть смелым. – Думаю, это время пойдет тебе на пользу, – говорит она с натянутой улыбкой. – Ты заявишь о себе. Я горжусь тобой.

Почему мамы так и норовят заглянуть в самые темные уголки твоей души? Что ж, признаю. За всю свою жизнь я никогда не была лидером. Просто не наделена этой космической силой. Ну не дано мне. Я всегда была в роли напарника. Мое единственное предназначение – поддерживать героев, оставаясь на заднем плане, или, быть может, в один прекрасный момент на экране пожертвовать жизнью во имя всеобщего блага. До сих пор я прекрасно справлялась с этой ролью. Падать не больно, если летаешь невысоко. Но сейчас я каким-то образом оказалась в центре внимания, и от этого мне немного не по себе. Чувствую себя не в своей тарелке.

Еще одно долгое объятие. Мы с мамой прощаемся. Двойные двери открываются, и я направляюсь к стойке «Японских авиалиний». Я не оборачиваюсь, но точно знаю: мама смотрит мне вслед до последнего, пока я не скрываюсь из виду.

Дзинь.

По всему салону загораются лампочки. Вы испытывали когда-нибудь ощущение, что время тянется мучительно долго; но вот все слова сказаны, дела сделаны, и вы не можете поверить, что будущее уже здесь? Так я себя и ощущаю. Вот мы уже на взлетно-посадочной полосе в аэропорту Токио. Я будто в сказке.

Смотрю в иллюминатор. На первый взгляд Япония кажется серой и холодной. Реальность потрясает, в животе порхают бабочки. Я одна, на другом конце света. Вдох. Выдох. Я смогу. Передвигаться по чужой стране, жить во дворце и впервые встретиться с отцом – да проще простого.

Передний отсек «Боинга-777» напоминает роскошную яхту. Здесь восемь мест, каждое из которых – как отдельный номер. Кресла из коричневой кожи раскладываются в кровати. В подлокотниках из красного дерева с золотыми вставками спрятаны всевозможные технические устройства – кнопки управления сиденьем с функциями массажа, USB-разъемы и сетевые розетки, игровая система и даже шумоподавляющие наушники фирмы «Боуз». Туалеты в двух отдельных кабинках оснащены автоматическим смывом и даже биде – я пас, но оценила этот ход по достоинству. Даже в уборных витает роскошный аромат – кашемир с нотками лаванды.

Места разделены совсем не обязательными перегородками – на протяжении последних десяти часов в этом отсеке было всего два пассажира: я и чванливый, но очень даже симпатичный японец. В перерывах между едой (обед из трех блюд начался с амюз буш²⁴ из нежной юбы²⁵ и свежего морского ежа), сном и просмотром телевизора я наблюдала за ним. Он почти не двигался, не снял галстука и не вытянулся в полный рост. Зато ел. Поданный ему поднос унесли совершенно пустым несколько мгновений спустя. Какое-то колдовство, не иначе.

Бортпроводница объявляет сначала по-японски, затем повторяет по-английски:

– Дамы и господа, добро пожаловать в международный аэропорт Нарита. Температура воздуха за бортом – 14 градусов Цельсия, местное время – 15:32. Капитан просит вас оставаться на своих местах и позволить пассажирам первого класса покинуть самолет первыми в целях безопасности. Большое спасибо и добро пожаловать в Японию. Приятного пребывания».

Щеки горят. Хорошо, что первый класс отделен от основного отсека тяжелыми занавесками. Никто меня не видит. Красавчик встает, застегивает свой пиджак и быстро осматривается. Он разговаривает с двумя бортпроводниками и вставляет в ухо крошечный наушник. Они кланяются и встают перед синими бархатными занавесками. С шумом открывается дверь самолета. На борт заходят двое мужчин в черных костюмах, как у красавчика. Я выпрямляюсь. Красавчик уже рядом со мной. С низким поклоном он произносит:

– Ваше Высочество, пожалуйста, следуйте за мной.

Вижу его черные, начищенные до блеска туфли, затем перевожу взгляд выше – темный костюм, темный галстук. Смотрю в лицо. Он моложе, чем я думала, – может, старше меня всего на пару лет. И, о Боже, убейте меня: вблизи он еще красивее! Его красота оскорбляет: пухлая нижняя губа, полуприкрытые глаза, прямой нос. После Фореста у меня был перерыв в отношениях, но я, пожалуй, подумаю над своим табу относительно парней. Мой рот открывается и закрывается. Он ждет; его взгляд холодный и оценивающий.

– А вы?.. – голос предательски срывается на середине фразы.

– Кобаяши. Акио, – отвечает он. Ни слова больше. Думаю, это сильный, неразговорчивый типаж. Хорошо, я полностью согласна.

Смотрю на него, не зная, что делать. В голове туман. Точно джетлаг. Вперемешку с адреналином. Короче, мое приподнятое настроение одним словом не описать, что-то вроде «я-в-новой-стране-и-вот-вот-встречусь-со-своим-отцом».

Он переминается с ноги на ногу и откашливается.

– Прошу меня извинить, Ваше Высочество, но нам нужно идти.

Я улыбаюсь.

– Как вас зовут, повторите, пожалуйста.

---

²⁴ Крошечная изысканная закуска, которую подают как для подготовки гостя к трапезе, так и для знакомства с фирменным стилем шеф-повара.

²⁵ Также известна как фучжу – густая пленка, снятая с кипяченого соевого молока. Ошибочно известна как «спаржа по-корейски» или «соевая спаржа».

– Акио. – Он немного напряжен. – В вашем досье должно быть мое имя.

– То-о-очно. – *Досье.* У «Японских авиалиний» было два первых сезона «Аббатства Даунтон». Вместо истории моей собственной семьи я выбрала историческую драму. Я заварила кашу, мне ее и расхлебывать. – У меня не было времени подробно изучить его, – объясняю я. В его темных глазах появляется блеск.

– Да, не сомневаюсь: у вас были куда более срочные дела.

Хм-м. Вытягиваю шею и оглядываюсь. С его места видно все. Без сомнений: он знает, что я смотрела «Аббатство Даунтон». Что ж, ладно.

– Возможно, вам было бы интересно изучить досье сейчас, – предлагает он. Кажется, по десятибалльной шкале уровень его напряжения возрос до десяти. Остальные двое настроены не слишком враждебно, но и помощи от них не дождешься – на вид серьезные ребята.

– Да. То есть конечно.

Лицо горит, но не соблазнительно, как в любовных романах, а как будто пчелы искушали. Папку с документами я засунула под телевизор. Доставая ее, ощущаю на себе взгляд Акио. Мои движения неуклюжи. А еще кожа скрипит некстати... я прямо слышу, с каким недовольством колотится его сердце.

Открываю папку. Его фотография на пятой странице, а прямо под ней – контактная информация и квалификационные данные. *Императорская гвардия в лице Акио Кобаяши встретит вас в Сан-Франциско и будет лично сопровождать в пути.* Двадцать лет. Два года в Императорской гвардии. Высший дан²⁶ в нескольких боевых искусствах, профессиональный стрелок. – все это меня наводит на мысль, что он голыми руками способен убить человека. Обнаддеживает, ничего не скажешь.

– Простите, что не узнала вас. – Беру ручную кладь. – Ну, вы понимаете: девушки, незнакомцы и прочее.

По щелчку его пальцев один из охранников срывается с места и берет мою кладь.

– Это неважно.

Ну почему я не прочитала досье? Не могу даже представить, что он теперь думает обо мне. Хотя нет, могу. Возможно, на протяжении всего полета он мысленно писал обо мне плохие отзывы. *Высокомерная. Не узнала меня. Думает, никто не видит, как она нюхает подмышки.* Дважды. *Пока не впечатлен. И это принцесса? Мне явно недоплачивают.*

– Пресса в курсе, что вы прибываете сегодня, – говорит Акио, когда мы вместе с другими охранниками отходим от самолета.

Такие сдержанные речи – и такой размашистый шаг. На каждый его шаг приходится два моих. Изо всех сил стараюсь не отставать, даже в боку закололо. Нужно больше заниматься спортом. Увы – тортики мне нравятся куда больше, чем пробежка.

Они не знают номер рейса, но – уверен – это ненадолго. Желтая пресса купила билеты, чтобы попасть в зону прилета. На этот случай служба безопасности аэропорта предоставила служебные выходы.

К нам присоединяются другие парни в черном. Их девиз – меньше слов, шире шаг. Мельком оглядываюсь по сторонам. На первый взгляд, ничего необычного. Отполированные до блеска белые полы. Вывески и эскалаторы подсвечиваются неоновыми лампами. Правда, есть некоторые отличия, например реклама капсульного отеля и душевых кабин.

– А мой багаж? – спрашиваю я, проходя через металлическую дверь.

– Его доставят во дворец еще до вашего прибытия, – на ходу объясняет Акио.

Пустой бетонный коридор без окон. Над головой мерцают флуоресцентные лампы. Мы продвигаемся дальше, оставляя позади двери с табличками и номерами. Все на японском.

²⁶ Японский разряд в боевых искусствах и настольных играх.

Наконец помещение расширяется, и вот мы, видимо, в самом сердце аэропорта. По коридорам, напоминающим артерии, разносится аромат соевого соуса и карри.

На лбу проступает пот. В самолете я не пила шампанского, зато выпила три капучино – в основном из-за просто бомбических шоколадных батончиков, которые подавали к ним. Внимательная бортпроводница принесла мне целую кучу печенья, за что я ей особенно благодарна. Вот только теперь кофеиновый рай начинает меня преследовать.

Проще говоря, мне нужно по-маленькому.

– Кхм, Акио, – мягко произношу я.

Или он меня не слышит, или сознательно игнорирует. Склоняюсь к последнему: уж на его-то должности слух должен быть выше среднего.

– Акио, – громче повторяю я.

Он продолжает идти. Что ж, пришло время решительных мер. Мой мочевой пузырь вот-вот лопнет. Я не могу встретиться со своим отцом, пританцовывая, – меня это не украсит. Так что я резко останавливаюсь. Все остальные повторяют за мной. Я в центре внимания.

– Мне нужно в дамскую комнату, – объясняю я и добавляю: – Пожалуйста. – Ну, вы понимаете: манеры и все такое.

– Прошу прощения? – Акио стоит напротив. Притворяется, будто не понял меня, вот только выражение его лица говорит обратное: *Не могу поверить, что тебе нужно в уборную. Да что ты за чудовище такое?*

– Есть рядом дамская комната? – прищуриваюсь я. Кажется, из его ушей вот-вот пойдет дым.

Он еще секунду испепеляет меня взглядом «сверху вниз». Нет, серьезно: да он на голову выше меня!

– Уборная. Вам нужна уборная?

Пожимаю плечами, разводя руки ладонями вверх.

– Выпила слишком много капучино в самолете.

– В плане этого не предусмотрено. – Его голос натянут как струна.

– Воспользоваться уборной?

Кивок.

– Эм-м, ну ла-адно. – Переминаюсь с ноги на ногу.

Он пристально смотрит на меня, затем что-то рывкает на японском. Парень в черном проверяет телефон и указывает на дверь, за которой тут же скрывается половина сопровождающих нас охранников. Гремят кастрюли, голоса становятся громче. Судя по интонации, кто-то не очень доволен. Вдруг шум стихает, и охранник открывает дверь.

Акио делает приглашающий жест рукой.

– Уборная.

– Благодарю.

Я в кухне. Персонал, официант и уборщик – все сжались в углу. При виде меня по помещению разносится шепот. Тяжелый воздух пропитан жирным запахом вока и мисо. В нескольких метрах от меня охранник держит дверь в туалет открытой.

Неуверенно машу всем рукой, как бы извиняясь. Мне отвечают десятком снисходительных улыбок.

Выхожу и вижу: шеф-повар о чем-то спорит с охранником. После долгого обсуждения повар, по всей видимости спросив разрешения у Акио, берет нож и с шумом что-то нарезает. Затем приближается ко мне и с поклоном протягивает редис в форме хризантемы.

– Подарок, – сухо объясняет Акио.

Широко улыбаясь, принимаю овощ. С рук стекают капли воды.

– Прошу прощения, не было полотенца.

Акио выдает что-то на японском, и передо мной вздымается туча платочков. Даже Акио достает из кармана белый квадратный кусок ткани. Он стоит ко мне ближе всего, но я его игнорирую. Враг, помните?

В руках у уборщика платочек чистый и со складками, хорошенько отутюженный. Я выбираю его и касаюсь руками, удерживая редис.

– Спасибо, – обращаюсь к шеф-повару и уборщику, а затем и к остальному персоналу. – Аригато.

Те с поклоном отвечают:

– Дойташимашитэ²⁷.

– Прошу прощения, если задержала чей-то обед. Могли бы вы перевести им мои слова? – прошу Акио.

– Нам нужно идти. – Он шумно вздыхает.

Еще одно качество в список его квалификаций – *упрямый*. Можно было бы оставить все как есть, но на хорошее отношение к людям я всегда была щедра. Потому скрещиваю руки и смотрю прямо на Акио. Не люблю хвастаться, но я одержала победу в львиной доле игр в гляделки.

Секунда.

Две.

Три.

И-и-и... я выиграла. Убрав руки за спину и откашлявшись, Акио произносит что-то по-японски. Трудно сказать, дословно ли он переводит, хотя мне он кажется честным, из серии я-скорее-умру-за-свои-принципы. К слову, многие великие из-за этого и пали.

Когда Акио закончил, весь персонал кухни вспыхнул одобрительными улыбками. Забудь о дворце вместе с отцом. Остаюсь жить здесь.

Акио ведет меня обратно в бетонный коридор. Теперь я с радостью несусь вперед, и ничто не испортит мне праздника: я чувствую легкость в ногах и мочевом пузыре. Дневной свет проникает сквозь щели двойных дверей, и два охранника раскрывают их. В коридор врывается свежий воздух, приправленный ароматом дождя и земли.

Раздаются вспышки. Я на мгновение ослепла. У входа море людей, скандирующих мое имя. Среди них пресса со служебными удостоверениями и длиннофокусными объективами. Служба безопасности в синих костюмах сдерживает желающих посмотреть на нас поближе. Шум стоит такой, что хоть схвати меня за ворот и крикни прямо в ухо – не перекричишь.

Прижимаю руку к груди, из которой вырывается сердце.

У обочины припаркован блестящий черный «Роллс-Ройс». На капоте развевается флажок – белый с красной каймой и золотой хризантемой.

Рот открылся сам собой. Я дрожу. В этой машине мой отец. По ту сторону стекла. Включаю свою самую очаровательную улыбку.

Акио смотрит на меня. Из темных, как трюфель, глаз летят искры.

– Когда мы приземлились, народу было меньше.

Предпочитаю игнорировать его. Дверца машины открывается, и появляется еще один человек в костюме. По коже пробегают мурашки, но... это не мой отец. На этом пожилом господине черный котелок и щеголеватый темно-синий галстук. Щеки у него как у грустного бассет-хаунда.

В то же мгновение другой человек в костюме раскрывает над господином черный зонт. Пожилой господин идет ко мне и кланяется, перекивая шум и гам:

---

²⁷ Пожалуйста.

– Йокосо²⁸, Ваше Высочество. Господин Фучигами, камергер Восточного дворца. От имени вашего отца, Его Высочества наследного принца, и Японской империи приветствую вас дома. – Дождь падает на нейлон и стекает вниз по ребрам зонта.

Раздаются щелчки камер. Моргаю, пытаюсь заглянуть в салон «Роллс-Ройса».

– Моего отца здесь нет? – Полный провал.

Кто-то произносит мое имя, но я не свожу глаз с господина Фучигами. Журналисты не перестают снимать. От вспышек камер в глазах бегают зайчики. Интересно, они запечатлели мое разочарование? Возможно, заголовок будет звучать так: «Принцессу продинамил собственный отец».

На лице господина Фучигами появляется полная сочувствия улыбка.

– Наследный принц ожидает вас во дворце. Мы подумали, что лучше вам встретиться без посторонних глаз. – Логично. Наверное. Вот только желудок продолжает сжиматься. – Прошу вас. – Он вытягивает руку, приглашая меня пройти к машине.

Акио чернее тучи идет рядом со мной, с негодованием поглядывая на толпу. Теперь императорскому гвардейцу можно расслабиться. Без сомнений: пост он сдаст с большим удовольствием. Наверняка он ждет не дождется, когда его отпустят, чтобы он мог заняться чем-нибудь, на его взгляд, расслабляющим: заводить часы, например, или пугать детей на школьном дворе. А может – остается только надеяться, – пойдет и прыгнет откуда-нибудь повыше.

Смотрю налево, затем – направо. Дверь машины все еще открыта. В салон залетают капли дождя. Господин Фучигами ждет. Мой отец ждет. Вся Япония ждет. Беру себя в руки, ища положительные стороны. Пусть отца здесь и нет, зато есть Токио. Пусть мои нервы будут такими же крепкими, непробиваемыми, как бетон под ногами. Я храбрая. Я ИЗУМИТЕЛЬНАЯ. Я могу все. (Только после ласкового обращения, десятичасового сна и плотного, насыщенного белками завтрака.)

На старт.

Внимание.

Марш.

---

²⁸ Приветствую вас.

6

Усаживаюсь на мягкое кожаное сиденье цвета дорогого виски. Господин Фучигами садится напротив, кладя котелок на колени. Его волосы с проседью зачесаны назад. Дверцы машины закрываются. Мне повезло, что Акио садится вперед. Он вытянут, как струна. На ум приходят только слова *кол* и *задница*. По его шее стекают капли дождя. Он аккуратно вытирает их сложенным носовым платком. Я как будто ненавижу его. Особенно за его привлекательность.

Нас везет шофер в белых перчатках и в пиджаке с латунными пуговицами.

– Кто в другой машине? – спрашиваю я, заметив позади нас второй «Роллс-Ройс». В машине немного душно, окна запотели.

– Никого. – Господин Фучигами снимает черные кожаные перчатки. – Он пуст – на случай, если наш автомобиль сломается.

Дерево в интерьере салона блестит. Двигатель мурлычет.

– Эта машина когда-нибудь ломалась?

– Нет, она совершенно новая, – с отсутствующим видом отвечает господин Фучигами.

– Это все объясняет. – На самом деле, нет.

Со всех сторон нас сопровождает полиция на белых мотоциклах. Мы едем по шоссе. Машины съезжают на обочину, уступая нам дорогу.

– Ваше расписание на сегодня и на все время пребывания здесь, – деловым тоном произносит господин Фучигами, кладя мне на колени кипу бумаг.

Расписание Ее Императорского Высочества

Принцессы Изуми

22/03/2021.

15:32 – Прибытие в Международный аэропорт Нарита.

15:45 – Отправление из Международного аэропорта Нарита, кортеж-тур по Токио и императорским владениям.

Проверяю время на телефоне. Уже 16:01. Отстаю на шестнадцать минут. Но это не моя вина, я даже родилась поздно, с задержкой в три недели и десятью фунтами в придачу – размером почти со взрослую мальтийскую болонку. Мама была такой крупной, что люди думали: у нее двойня. Медсестра даже пошутила, что в утробе я сожрала свою сестру. При этой мысли губы расплываются в улыбке. Господин Фучигами настороженно смотрит на меня, его губы подергиваются. Я снова опускаю взгляд на расписание.

17:01 – Одеться к ужину.

17:22 – Частная встреча с Наследным принцем.

20:00 – Приветственный прием и ужин.

– Расписание будет скорректировано. Понимаю, что в аэропорту случилась незапланированная задержка, – продолжает господин Фучигами. Его взгляд останавливается на редисе, который я положила на сиденье рядом со мной. Он вроде моего нового друга. Я назвала его Тамагочи 2.0.

Листаю страницы дальше, прикусив щеку. Что ж, задача не из простых. Соблюдать даже школьный график – уже чудо. Две недели моего пребывания здесь полны всяких мероприятий. Частные уроки по истории Японии, японскому языку и искусству. Экскурсии по святым местам, храмам и гробницам. Посещение императорского животноводческого хозяйства и заповедников с дикими утками. Разного рода банкеты. Выходы в свет с отцом – бейсбольный матч, открытие выставки общественного искусства. И даже...

– Свадьба?

Господин Фучигами кивает.

– Через десять дней состоится свадьба премьер-министра.

Шумно сглатываю.

– Я не привезла подходящей одежды. – Весь мой гардероб состоит из легинсов и толстовок – представьте себе неряху в «Лулулемон», – то что надо для Маунт-Шасты. Но опять-таки в Маунт-Шасте метание топора и опрокидывание коров тоже считаются нормой.

– Гардероб для вас готов. Императорская семья сотрудничает с несколькими дизайнерами, которые шьют для них подобающую одежду. – В его словах, интонации и загадочной улыбке читается: *Ты сейчас представляешь императорскую семью.*

– Ах да, конечно. – Подозреваю, что я немного не в себе.

– Ваши кузины, принцессы-близнецы Акико и Норико, много путешествуют, – успокаивающим тоном добавляет он. – На прошлой неделе Акико вернулась из Шотландии. В следующем году она планирует поступать там в университет, где будет изучать английский язык и средневековый транспорт. Дома на ней были надеты очаровательное платье и пиджак.

– Ох, – вырывается у меня. *Ох*, думаю. Мысленно представляю себе свой образ: легинсы и блеклая толстовка Маунт-Шаста Хай. – Простите, я не знала... – и замолкаю. Передаю привет всем девушкам, которые слишком много извиняются. Как я вас понимаю.

– Понимаю. Не забывайте: пресса постоянно следит за вами. Но это неважно, – говорит господин Фучигами. – Мы выбрали для вас персонал, который будет вас сопровождать. Вашим личным секьюрити назначен господин Кобаяши. Его семья на протяжении десятилетий служила Императорскому дому. Он – кладезь знаний. Вы можете положиться на него. – Ах, кинжал вонзается глубже. Мой заклятый враг и мое ближайшее доверенное лицо – один и тот же человек? *Да ни за что!* – Пожалуйста, сохраните его контактную информацию себе в телефон, – говорит господин Фучигами. Ох, не переживайте. Я сохраню его под именем «Слуга Дьявола» и добавлю эмодзи с рогами и две какашки.

Я уже открыла было рот, чтобы уточнить у господина Фучигами расписание, но дыхание вдруг перехватывает, слова не вяжутся. Теперь мой рот раскрыт по другой причине. Удивление. Изумление. *Тренет.*

Мы на вершине холма. Солнечные лучи просачиваются сквозь облака, и перед нами вырастает частокол из высотных зданий. Мираж, который так и манит меня. Прислоняюсь к запотевшему окну, протираю его ладонью и поднимаю подбородок. Я определенно теряю голову. Капли дождя стекают по стеклу, разделяя на части мое отражение.

– Токио. – Голос господина Фучигами наполняется гордостью. – Старое название Эдо. Почти целиком разрушен во время Великого землетрясения Канто в 1923 году, а затем, в 1944, подвергся ночным бомбардировкам. Тогда погибли десятки тысяч человек. – Камергер замолкает. – Кишикайсей.

– Что это значит?

В груди дрожь. Мы въезжаем в город. Высотки больше не рассекают горизонт. Теперь они похожи на надвигающихся серых гигантов. На каждом шагу красуются кричащие, привлекающие к себе внимание знаки – неоновые, пластиковые или цветные баннеры. Шумно. Какофония из популярных мелодий, гудков машин, рекламных объявлений и мчащихся по рельсам поездов. Бурно, колоритно.

– Если переводить дословно, то это слово означает «восстать из мертвых и вернуться к жизни». Несмотря на мрачные обстоятельства, Токио воскрес. Он приютил более тридцати пяти миллионов жителей. – Господин Фучигами ненадолго замолкает. – А еще – самую древнюю монархию в мире.

Трепет усиливается десятикратно. Вцепившись в подоконник, упираюсь носом в стекло. Зеленые парки, опрятные жилые дома, элитные магазины, галереи, рестораны. На каждое изящное, новое и современное здание приходится по одному невысокому деревянному домику с синей черепичной крышей и горящими фонарями. Очень тесно. Дома напоминают опирающихся друг на друга пьяных.

Господин Фучигами рассказывает историю Токио. Город строился и перестраивался, рождался и возрождался. Я представляю себе пирог: когда отрезаешь кусочек, видны слои. И вот они как наяву: пепел уничтоженного пожаром Эдо и остатки самурайских доспехов, каллиграфические перья и осколки чайного фарфора. Останки погибших во время падения сегуната²⁹. Пыль Великого землетрясения и обломки, которыми покрылся город после авиаударов Второй мировой войны.

Несмотря ни на что, он процветает. Словно живой организм, пронизан неоновыми венами. Под ногами деловых людей в строгих костюмах носятся дети, одетые в клетчатые юбки и красные галстучки. Две женщины в малиновых кимоно и с подходящими зонтиками ныряют в чайную. Они такие же, как я. Конечно, между нами есть отличия: разная форма глаз и лиц, но темноволосых тут больше, чем я видела за всю свою жизнь. Я здесь – не диковинка, не бельмо на глазу, и это поражает. Какое же это счастье – просто *не выделяться*.

У меня будто галлюцинация, кажется, словно я подсматриваю в замочную скважину. Не могу до конца осознать. А машина ни разу даже не сбавила скорости.

Именно в этот момент до меня доходит:

– Мы не останавливаемся на светофорах.

Господин Фучигами барабанит пальцами по кожаному сиденью.

– Именно. Для императорской кавалькады на светофорах всегда горит «синий»³⁰. Крайне важно придерживаться расписания.

Еще один тычок, но мне плевать. Внутри меня все бушует. Мое тело хочет слиться с Токио, затеряться в нем. Вот где я должна была родиться, вот где я должна была *жить*. Здесь «принятие» и «толерантность» не стали бы моими первыми словами. Я была бы как все, человек из толпы. Не считая «Роллс-Ройса» и сопровождающих нас полицейских мигалок, конечно же.

Ошеломленная и радостная, я откидываюсь на спинку сиденья. Звук падающих на металлическую крышу капель дождя успокаивает. Все, мой мозг взорвался.

Проезжаем над водой.

– Это один из многочисленных рвов, окружающих императорские земли, – поясняет господин Фучигами.

Вот где живут мои дедушка и бабушка – император и императрица, – прямо посреди Токио, в частном лесу площадью более четырех с половиной миллионов квадратных футов.

²⁹ Военно-феодалная система правления в Японии, при которой император выполнял сугубо церемониальные функции, а реальная власть принадлежала военному правителю – сегуну. Существовала до 1868 года.

³⁰ Разрешающий сигнал светофора в Японии.

Машина въезжает в мрачный туннель. Мы едем прочь от императорских земель.

– Мой отец живет не здесь? – Меня охватывает паника. Вспоминаю фильм, в котором нежеланного ребенка из королевской семьи похитили и спрятали.

– Наследный принц живет во дворце Тогу в имении Акасака, к востоку от Императорского дворца. Там же проживают и другие члены семьи – ваши дяди и тети, двоюродные братья и сестры. Принцессы-близнецы Акико и Норико приблизительно вашего возраста, как и принц Есихито. Он покинул дворец, но недавно снова вернулся. У вас будет большая компания, – улыбается он, словно вручая мне подарок.

Мы выезжаем из туннеля, и мое беспокойство утихает. Проезжаем сквозь божественные бело-золотые ворота. Охрана в ярко-синей форме начеку. Вокруг дворца простирается ухоженный газон, вдали – большой фонтан.

– Дворец Акасака построен по образцу Версальского и Букингемского дворцов, – говорит господин Фучигами. Это уж точно. От него прямо-таки веет атмосферой «пусть-едят-пирожные»³¹. – В нем никто не живет, зато там принимают высокопоставленных гостей.

Поворачиваем за угол. Возвышаются стены. Мы все еще на территории имения Акасака. Вдоль улиц растут изогнутые дубы, а стены превращаются в живую изгородь из бамбука. Все выглядит довольно безобидно, вот только на каждом шагу установлены скрытые камеры видеонаблюдения, а по периметру выставлена императорская гвардия.

Кавалькада замедляется.

Впереди в безупречной синей форме и фуражках с блестящими эмблемами по стойке смирно стоят императорские гвардейцы. Кисточки на их мундирах сверкают золотом. Открываются черные металлические ворота, и мы скользим вперед. Полицейские отъезжают, перекрывая улицу.

– Вот мы и прибыли. Это дворец Тогу, – теплым, спокойным голосом объявляет господин Фучигами. – Добро пожаловать домой.

Время останавливается, каждое мгновение откладывается в мозгу отдельными кадрами. Не сомневаюсь: они будут храниться в гиппокампе вместе с другими неизгладимыми воспоминаниями. Среди них – стрептококковая ангина, когда я могла есть только бананы. Теперь этот фрукт у меня ассоциируется с болезнью и недомоганием. Но сейчас все иначе. *Это* – великолепие и красота.

Кадр первый: едем по усыпанной гравием дорожке, обрамленной кленами, у корней которых плачут пурпурные азалии. По обе стороны раскинулся парк, где растут гинкго, плакучие березы, черные сосны, кедр. Воздух пахнет глиной и свежескошенной травой.

Кадр второй: выхожу из машины и осматриваюсь. Дождь на мгновение утихает. Солнце спряталось за облака, но здание словно само излучает свет. Оно сверкает. *Сияет*. Идеальное место для человека, некогда считавшегося богом, сошедшим с солнца. Дворец Тогу – это чудо современности. Просторное двухэтажное здание с восемнадцатью спальнями замечательно вписывается в общую картину. В бронзовой крыше, покрытой патиной, отражаются деревья.

Кадр третий: вхожу, минуя выстроенный в ряд персонал. Они по очереди представляются. Еще камергеры. Доктор. Три повара (потому что три лучше одного), которые специализируются на японских блюдах, западной кухне и на хлебобулочных изделиях и десертах. Конюшие. Горничные. Камердинер моего отца. Моя фрейлина, Марико. Она кланяется.

Прикусываю нижнюю губу.

– Фрейлина? – спрашиваю господина Фучигами.

---

³¹ Отсылка к знаменитой французской фразе: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные», ставшей символом отрешенности монархов от проблем их подданных.

– Личный помощник, – лукаво отвечает он, надев котелок. – Она будет помогать вам в решении ежедневных задач и обучать вас языку, культуре и правилам этикета. Ее выбрал ваш отец. Он подумал, что вам будет приятно находиться в компании ваших ровесников. Марико скоро окончит Гакусюин. Ее отец – Сёдзи Абэ, поэт и лауреат премии, а ее мать была фрейлиной принцессы Асако. Она прекрасно владеет английским языком. К тому же Марико – самый настоящий знаток придворных манер.

Дворецкие придерживают стеклянные двери. Я захожу в гэнкан³² и меняю уличную обувь на домашнюю. Зеркальные полы, хромированные люстры. Мы двигаемся быстро, и остальную часть дворца я успеваю заметить лишь мельком: в коридоре под оргстеклом стоят шелковые ширмы. Мебель в гостиной расставлена под идеальным прямым углом. Цветовая палитра мягкая и успокаивающая: древесно-бежевые цвета с красными акцентами. Полупрозрачные бумажные ширмы на деревянных рельсах делят пространство на части. Лаконично. Воздушно.

В моей спальне одна стена сделана из прозрачного стекла, а внизу – пруд. Кажется, мы парим над темно-синей гладью. По воде плавают лебеди, а под водой снуют кои. Вдалеке замечаю Акио. Из-за дождя его волосы картинно растрепаны. Он общается с сотрудниками службы безопасности. Без сомнений: дает им указания. Мысленно перечисляю его предпочтения.

Ему нравится:

- командовать людьми,
- следовать расписанию,
- костюмы «Том Форд»,
- нациники,
- злорадствовать и еще больше командовать людьми.

Ему не нравится:

- опаздывать,
- радоваться жизни,
- принцессы, которые пишут, смотрят «Аббатство Даунтон» или принимают в качестве подарка от повара редис.

Кстати, о редисе: он все еще со мной. Я не выпускала его из рук ни во время знакомства с персоналом, ни во время экскурсии по дворцу. Теперь он покоится на сундуке, обитом сусальным золотом, рядом с одиноким ирисом в рифленой вазе. Цветок так и манит разглядеть его поближе.

Композиция отлично сочетается с шелковым гобеленом на заднем фоне. Незамысловатые фиолетовые лепестки изящны. Одним своим существованием ирис придает обстановке особенность, почти торжественность. Сейчас я могу лишь мимолетно обратить на него внимание: кажется, у меня едет крыша.

Марико поджимает губы.

– Что вам надеть – вот в чем вопрос. – На кровать с балдахином она кладет подходящие платья: одно – из розового шелка с цветочными мотивами, другое – желтое, с коротким рукавом, расшитое бусинами. – Вчера на утреннем чаепитии со знатными особами принцесса Акико была в розовом, – говорит Марико. Она невысокая, с резкими, жесткими чертами лица и острым подбородком, брови как две косые линии. – Мы же не хотим выглядеть так, будто

---

³² Гэнкан – зона у входной двери, традиционная для японских домов и квартир, представляет собой комбинацию крыльца и прихожей. Гэнкан предназначен для того, чтобы входящие в дом люди снимали обувь, прежде чем попасть в основную часть дома.

повторяем за ней. Но желтый такой бледный... Боюсь, он придаст цвету лица дурной оттенок. – Марико подносит платье к моей щеке. На шелковом ярлычке написано «Оскар де ла Рента».

Я: Ой, дизайнерские марки меня не впечатляют.

Снова я: Жду не дождусь возможности сделать фотографию и отправить Нуре. Даже знаю ее реакцию. Врешь, негодяйка.

– Что вы думаете, Изуми-сама³³? – спрашивает Марико.

– Хм-м. – Делаю вид, будто предлагаемые варианты меня несколько не оскорбляют и что думаю над выбором. Короткие рукава? *Пф-ф*. Поросячий розовый? Дважды *пф-ф*. Ни один из вариантов меня не привлекает. – Желтый и розовый совсем мне не идут. Есть ли что-то потемнее? Может, черное?

И желательно – один процент хлопка и миллион процентов спандекса. Не поймите меня неправильно: я люблю свое тело. Но больше оно нравится мне в черном. У меня есть одна проблема: я постоянно что-нибудь проливаю. А еще я неопратно ем. И черный тут как нельзя кстати. Сейчас на моем свитере красуется шоколадное пятно, скорее всего, это «Сникерс». Если бы со мной сейчас были БАД, то я бы спокойно слизнула его.

Марико смотрит в гардеробную, в центре которой стоит мраморный столик. Там одни платья. Да это самое настоящее нюдовое убийство!

– Черного ничего нет, – со вздохом отвечает она. – Придется надеть желтое. – Она кивает, будто успокаивая себя.

Что ж, придется рискнуть болезненным цветом лица.

Не прошло и десяти минут, как я уже в бледно-желтом платье, которое, в общем-то, сидит вполне неплохо, направляюсь к туалетному столику. Загорается яркий свет. Марико сетует, что у меня нет челки.

– Что будем делать? – спрашивает она, поднимая мои волосы и глядя через зеркало на густые пряди.

– Мне нравятся распущенные, – предлагаю я, надеясь, что идея ей понравится.

Марико снова поджимает губы. Затем убирает мои волосы назад и скручивает их в пучок. К концу процедуры мой скальп кричит от боли. Поняла, ей нравится жесточе. Чтобы нейтрализовать лютиковый цвет платья, мне на щеки наносят немного румян и красят губы.

Она что-то бормочет про мои ногти – слишком яркий розовый, но времени на маникюр уже нет. Марико застегивает на моей шее жемчужную нить Микимото и надевает соответствующие серьги-гвоздики.

– Приветственный подарок от императрицы. Ей очень жаль, что она не сможет присутствовать лично, чтобы познакомиться со своей новой внучкой.

В зеркале вижу другого человека. Это я, но не я. Ну прямо член императорской семьи во плоти. Даже не знаю, что думать и как я должна себя чувствовать.

Раздается стук в дверь. Марико впускает господина Фучигами. Он здесь, чтобы проводить меня к моему отцу.

– Готовы? – спрашивает он. Оценивающий взгляд сменяется одобрительным.

Хочу ответить «да», но слова застревают в горле. Всего через пару минут я встречу с отцом. Я ждала этого всю жизнь. Срочно хочется подышать в бумажный пакет, но я сохраняю хладнокровие – по крайней мере внешне. Внутри же нарастает неуверенность. Хочу понравиться отцу. Хочу, чтобы отец понравился мне. *Вселенная, скажи: я слишком много прошу?*

Поэтому я просто киваю. Все дороги ведут сюда. Больше не нужно бродить по улицам и гадать, не мой ли родственник этот незнакомец. Ответы на мои вопросы всего в нескольких шагах от меня. Кто мой отец? Действительно ли он желает видеть меня здесь? Или это просто

---

³³ – сама – суффикс, демонстрирующий максимально возможное уважение и почтение. Примерный аналог обращения «господин», «достопочтенный».

политический ход? Плечи прямо, шаг увереннее. Следую за господином Фучигами за дверь – прямо в новую жизнь.

7

Кедровые стены кабинета блестят под слоем лака, подчеркивая каждую прожилку. На мгновение я здесь одна. Господин Фучигами оставил меня и удалился, закрыв двери. Понимаю: наследный принц никого не ждет. Так даже лучше – могу спокойно осмотреться.

Как и спальня, кабинет не загроможден мебелью. И я знаю причину. Здесь деньги, а значит, и *богатство*. Я почти уверена, что нахожусь в самом его сердце. Каждому предмету на книжной полке отведено свое место. Встроенные лампочки пучками света подсвечивают по одному экспонату – фарфоровую кобальтово-синюю китайскую вазу, испанскую серебряную табакерку, меч с золотым драконом, обвивающим рукоять. Каждый предмет старинный, редкий. *Бесценный*. Семьи здесь оцениваются не по количеству денежных знаков, а по историческому наследию и происхождению. А что я? Все в моей жизни вдруг стало таким дешевым. . .

Есть и фотографии. На этих черно-белых снимках в лаконичной рамке за двойным стеклом изображен мой отец. Здесь он совсем ребенок, пальцы его лежат на клавишах пианино на фоне седзи³⁴. Тут он постарше, такой бравый и воинственный, в форме с латунными пуговицами. Дальше – кадры из повседневной жизни. Вот он возле эвкалиптового дерева обнимает коалу. Тут пьет пиво в баре со своим братом. А это свадебная фотография императора и императрицы в кимоно и хакама, со всеми регалиями.

Двери открываются. Я выпрямляюсь, разглаживая подол платья. Сердце стучит. В проходе появляется *он*: внушительная фигура в белой рубашке с перламутровыми пуговицами и черных брюках.

Он наклоняет голову и обращается по-японски к стоящим позади него людям. Двери закрываются. И вот мы одни. Мы можем:

- (а) обняться;
- (б) пожать руки;
- (в) искренне улыбнуться.

Но из перечисленного мы не выбираем ничего и

- (г) неловко смотрим друг на друга.

За окном плывут серые облака, солнце садится. Свет здесь не такой, как дома, – он переливается оттенками золота и жженого апельсина. Я думала, эти цвета может создать только художник. По комнате играют тени, подчеркивая твердые черты его лица. Отец выглядит отчужденным. Я растеряна.

– Ты похожа на маму, – наконец выдает он.

Меня как будто ударили хлыстом. Правильно ли я воспринимаю его тон? Это *обвинение*? Сжимаю и разжимаю кулаки. Сбываются мои кошмары. Я ему не нужна. Это ошибка. Хочу сжечь весь мир дотла.

– А я подумала, что похожа на вас, когда наконец увидела фотографии.

– Похожа. Носом. Небольшая горбинка – это наследственная черта императорской семьи.

Касаюсь пальцами выпуклости на спинке носа.

– А еще ты похожа на императрицу, мою мать. – Тон его голоса смягчается. – Эльфийский подбородок и широко посаженные глаза. В свое время она была настоящей красавицей.

³⁴ Дверь, окно или перегородка, состоящая из прозрачной бумаги, крепящейся к деревянной раме.

Хорошо, что ты не точная копия меня. Твоя мама однажды сказала мне, что я обычно выгляжу так, будто съел горсть кислого винограда.

Я смеюсь. Пожалуй, с поджогом пока подожду.

Он стискивает зубы.

– Старался не обращать внимания на ее фразочки.

Возвращаюсь в реальность.

Повисает неловкое молчание. Чего я ожидала? Что мы побежим навстречу друг другу с распростертыми объятиями? Что наша общая ДНК магнитом притянет нас друг к другу? Он не папа, вернувшийся со службы. А я – не ребенок, с нетерпением ожидавший его возвращения. У нас нет общих воспоминаний. Он не укутывал меня перед сном, не обнимал, когда меня трясло в лихорадке, и не поздравлял, когда мне удавалось украсть базу³⁵ в софтболе. Из-за не пережитых вместе подобных моментов между нами вырастает стена. Не хочу винить его за его отсутствие, но так получается. Несправедливо.

– Я... – начинает он и сам себя пресекает. Ему нечего сказать, как и мне. Время тянется. Мы чужие. С чего я взяла, что могло быть иначе?

Он неуверенно улыбается.

– Мне доводилось в Испании смотреть быку в глаза, но даже тогда мне было не так страшно, как сейчас. У меня руки трясутся. – Он показал мне свои трясущиеся короткие пальцы.

Облегченно хихикаю.

– Я вот никогда не участвовала в забегах с быками, зато во втором классе намазала стул Томми Стивенса клеем после того, как он украл мои мелки. Но я так боялась быть пойманной, что сама во всем призналась.

Его глаза светятся гордостью.

– В тебе сильно развито чувство справедливости.

Напряжение из колен исчезает, и я ослепительно улыбаюсь.

– Вероятно, нам следует начать все заново. – Он вытягивает руку. – Я рад, что ты здесь.

И с нетерпением жду возможности познакомиться с тобой.

Протягиваю ему свою ладонь. Его рукопожатие твердое, обнадеживающее, но незнакомое. Вычеркиваем вариант (г) и выбираем (б).

Не так чтобы много, но это только начало. Вспоминаю, зачем я здесь: познакомиться с отцом, понять себя, свои черты лица и природу моего упрямого характера.

– В это время года сады особенно прекрасны, – произносит он, когда мы размыкаем руки.

– Правда? – оживляюсь я.

– Хочешь посмотреть?

Задумываюсь на мгновение. Свежий воздух всегда идет на пользу.

– Звучит здорово. Показывайте дорогу.

В лицо дует влажный освежающий ветер. Под ногами хрустит гравий размером с горошину. Рядом со мной медленным шагом идет отец. Голова его опущена, плечи расслаблены – портрет принца, деконструктивизм. Мои руки покрываются гусиной кожей.

– Ты замерзла, – говорит он и куда-то смотрит. По безмолвной команде появляется придворный. Хотела бы я научиться этому трюку.

Отец произносит что-то по-японски, и придворный с низким поклоном исчезает. Среди деревьев замечаю широкоплечие фигуры в черном – охрана. Вижу и Акио. Придется привыкнуть. Даже когда ты один, за тобой *наблюдают*. Вновь появляется придворный. Двигается он

---

³⁵ Положение игры, при котором игрок атакующей команды успешно перемещается на следующую базу противника и «захватывает» ее, а команда защиты не успевает передать мяч на базу или осалить им бегущего.

ошеломительно быстро. Его лоб покрыт потом, но дыхание ровное. Он кланяется и передает отцу кашемировую шаль цвета слоновой кости. Тот берет ее и накидывает мне на плечи.

– Так лучше?

– Намного. Благодарю. – Укутываюсь теплее. Никогда не представляла себя в образе дамы в тонкой шерсти. Ну да ничего, я смогла бы привыкнуть.

– Продолжим? – жестом предлагает он.

Мы погружаемся в безмятежную тишину. До нас доносится шум ветра и пробок Токио. Отец показывает виды деревьев. Бумажная береза – его персональная эмблема. Дорожка тянется дальше, огибая пруд. Останавливаемся возле искусно стриженной черной сосны. На противоположном берегу господин Фучигами с другими камергерами следят за нами, притворяясь безучастными.

Отец печально улыбается.

– Должно быть, господин Фучигами расстроен, что мы вышли на улицу. Это не входило в план.

Плотнее укутываюсь в шаль.

– Злободневный вопрос. Думала, Акио взорвется, когда я попросила воспользоваться уборной в аэропорту.

Солнце садится все ниже. Придворные зажигают каменные светильники. Сад, словно в тумане, окутан желтым сиянием. Отец хмыкает.

– Ах, господин Кобаяши. Я сам выбрал его. Думал, тебе будет комфортнее с кем-то помоложе.

Киваю, не желая показаться неблагодарной.

Бух! Я вздрагиваю. Ночное небо покрывается фейерверками, словно сахарной посыпкой. Мерцающе-розовой, темно-фиолетовой, ярко-синей. Где-то далеко мне подмигивает огнями Токио.

Отец переминается с ноги на ногу, обратив взгляд к небу.

– Они прекрасны, – восхищаюсь я.

В его темных глазах отражаются вспышки.

– Это для тебя. Токио приветствует свою новую принцессу.

Для *меня*? Шумно глотаю, изо всех сил стараюсь отогнать эту мысль прочь.

К нам приближается придворный с большим серебряным подносом. На нем – увесистые хрустальные бокалы с напитками. Отец берет тот, что поменьше, с жидкостью янтарного цвета. Я выбираю бокал-флейту с чем-то шипучим. Делаю глоток и улыбаюсь: игристый сидр. Изумительно.

Он удивленно смотрит на меня. Поясняю:

– Это игристый сидр. Путь к моему сердцу лежит через сладости. – Второй путь – это объятия. Много-много объятий.

Он отпивает от своего янтарного напитка.

– Не припомню, чтобы об этом говорилось в твоём списке предпочтений. – Точно. Зато я перечислила некоторые десерты, с которыми у меня серьезные отношения. Хмурясь, он смотрит на свой бокал. – Отцу не следует читать на бумаге о том, что нравится его ребенку. – Его голос звучит тоскливо, покинуто. Интересно, он злится на маму? – Я бы предпочел услышать твои ответы, чем прочитать их. Чем ты увлекаешься?

Просмотр «Настоящих домохозяек» считается?

– Да так, балуюсь разными вещами, но пока ничего серьезно не зацепило. Ну, кроме выпечки. Я отличный пекарь. – Моя глазурь из сливочного крема и творожного сыра стоит того, чтобы жить.

– Твои кухни Акико и Норико выращивают шелкопрядов, – говорит он о принцессах-близнецах. В монарших биографиях женщин сначала указываются увлечения. – Сачико

любит альпинизм. Управление Императорского двора впало в истерику из-за принцессы в брюках карго. Чересчур новомодно. – Он улыбается, глядя на меня поверх стакана, так, словно это шутка для посвященных. – А что насчет твоих оценок в школе?

В лучшем случае ниже среднего. Но мой отец – наследный принц, поэтому правду я немного приукрашу.

– Отличные. – Настолько хороши, что я смогла поступить в два общественных колледжа и одну государственную школу. Пью сидр, чтобы не вдаваться в подробности.

– Ты поддерживаешь свою комнату в чистоте? – Он кружит напиток в бокале.

Да от моей комнаты тебя замучают кошмары в стиле «я задохнулся в горе мусора».

– Думаю, я довольно аккуратна. – После всех его вопросов прихожу к одному-единственному выводу: я необыкновенно обыкновенная.

Его грудь раздувается от гордости.

– Ты похожа на меня. В детстве я был очень организованным. – Он внимательно смотрит на меня. Вдруг понимаю, что тоже страстно желаю узнать о нем побольше. Вопросы так и лезут сами собой. Каким еще он был в детстве? Он попадал в переделки? *Пожалуйста, хотя бы раз.* Но он первым прерывает тишину, как бы с неохотой произнося: – А как твоя мама?

Кручу в руках свой бокал.

– Хорошо. Все еще не замужем. – В моих глазах мелькает огонек. Ноль реакции. Что ж, кажется, в моем случае классический план «Ловушки для родителей» не сработает. Ладно, я справлюсь. У меня был проблеск надежды, что мои родители вновь будут вместе, влюбятся друг в друга и поженятся. Девушки могут позволить себе мечтать.

– Она все еще коллекционирует кружки?

– Да, – тепло отвечаю я. – На ее любимой написано «Йети тоже не верит в тебя».

– А как насчет той, на которой написано «Фанатик растений»?

– Я разбила ее, когда мне было семь. – Как сейчас помню. Мама приготовила мне горячий шоколад. Я взяла кружку, но обожглась и уронила ее. Она тогда заплакала и назвала себя глупой.

– Это я ей подарил. – Он расслабляется. – Она смеялась, как ненормальная.

Замолкаю, вдруг осознав реакцию мамы. Кружка привязывала ее к другой жизни. К моему отцу.

– Она преподаватель?

– Ага. Мама весьма самокритично относится к своей работе. Знаете, как говорится: «Тот, кто умеет, тот делает, кто не умеет – тот учит других»³⁶.

– Нет, не знаю, – отвечает он. – Но понимаю.

– Ученики обожают ее, коллеги от нее без ума. Она многого достигла, – не останавливаясь я.

– И она вырастила тебя.

Отец ждет, когда до меня дойдет. Понимание приходит не сразу. Зато когда меня осеняет, по всему телу – от ушей до кончиков пальцев ног – растекается теплое, приятное ощущение. Отец касается моего бокала своим. За такое надо выпить.

– Она всегда хотела преподавать. – Его голос звучит мягко, в нем слышатся ноты признательности и уважения. Он задумывается. – Ты... у тебя было счастливое детство?

---

³⁶ Цитата из работы английского писателя Бернарда Шоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.